

Санкт-Петербургский государственный университет

АКИМОВА Ксения Сергеевна

Выпускная квалификационная работа

**«СЦИЕНТИФИКАЦИЯ АМЕРИКАНСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ,
ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»**

Направление 41.03.04 «Политология»

Основная образовательная программа бакалавриата «Политология»

Научный руководитель:

Кандидат философских наук, доцент
Александр Иванович КОРЮШКИН

Рецензент:

Доктор политических наук, профессор
Леонид Васильевич БАЛТОВСКИЙ

Санкт-Петербург
2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Историческая эволюция американской политической науки	10
1.1 Основополагающие тенденции в эволюции американской политической науки	10
1.2 Историческое развитие идеи научности до периода бихевиорализма	19
1.3 Основные этапы сциентификации.....	28
Глава 2. Критический анализ процесса сциентификации американской политической науки	36
2.1 Оценка бихевиоральной революции и основные пункты ее критики	36
2.2 Проблемы и противоречия американской политической науки	45
2.3 Современное состояние и перспективы развития американской политической науки	61
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	67
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	68

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении всей истории своего существования американская политическая наука претерпела несколько ключевых трансформаций, которые во многом и определили ее современное состояние, структуру и смысловое содержание. Иными словами, то, что американская политическая наука представляет собой на текущем этапе своей эволюции, разительно отличается от того, какой была дисциплина в начальный период ее зарождения и институционализации. Бернارد Крик полагает, что «идея создания науки о политике не является чисто американской».¹ Тем не менее, на данный момент, неопровержимо, что именно в США подобная идея получила наиболее успешное институциональное и академическое выражение. По словам Джеймса Фарра, несмотря на то, что «политическая наука начала XX века была в значительной степени американским изобретением, и остается таковой и по сей день, наиболее влиятельные теории, которые составляют основу дисциплины, имеют европейское происхождение».²

Джон Бонд отмечает, что «начиная, с возникновения дисциплины на рубеже XX века и на всех этапах ее развития шла полемика относительно связи между политикой и наукой».³ Основные вопросы, которыми на протяжении довольно длительного периода озадачиваются амбициозные представители американской политологии, это, прежде всего, вопросы о возможности или невозможности существования подлинной науки о политике, о соотношении между претензией политической науки на обладание истинным знанием о политических феноменах и претензией на релевантность подобного знания по отношению к практической политике. Из подобных вопросов закономерно

¹ *Crick B.* The American Science of Politics: Its Origins and Conditions // London and New York: Routledge, 1959. – P.5.

² *Farr J.* Political Science // The Cambridge History of Science: Vol. 7. The Modern Social Sciences / Ed. by T. Porter, D. Ross. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. – P. 309.

³ *Bond J. R.* The Scientification of the Study of Politics. Some Observations on the Behavioral Evolution in Political Science // The Journal of Politics. – 2007. - Vol. 69. - No. 4 (November). - P. 897.

проистекают две основные тенденции американской политической науки: (1) стремление к научности и (2) стремление к политической релевантности.

Основополагающая тенденция американской политической науки, а именно стремление к признанию ее полноценной научной дисциплиной, явилась фундаментальной предпосылкой сциентификации дисциплины. Согласно Бонду, «под *сциентификацией* понимается процесс, посредством которого политическая наука как академическая дисциплина прибегла к использованию научного метода в целях продуцирования и распространения политического знания».⁴ Иначе говоря, сциентификация представляет собой процесс трансформации донаучного политического знания в научное посредством последовательного применения к исследованию политики позитивистских принципов. Детально анализируя процесс сциентификации, Бонд приходит к неожиданному и достаточно парадоксальному, на первый взгляд, выводу о том, что «сциентификация была лишь тенденцией в развитии политической науки, а не революцией».⁵ Аналогично этому, Бернард Крик рассматривает американскую политическую науку в качестве «кульминации американской политической мысли, а не как ее альтернативу».⁶ Иными словами, сциентификация политической науки была естественной закономерностью, а не исторической случайностью, а донаучное политическое знание, так или иначе, было обречено на то, чтобы стать научным.

Стремление американской политической науки к достижению подлинной научности было выражено в ее строгой позитивистской ориентации. Но, несмотря на относительно успешную адаптацию ключевых принципов научности к исследованию политики, многие американские политологи до сих пор преисполнены скептицизма в отношении научного статуса своей дисциплины, и непрестанно предпринимают попытки по приданию политическим исследованиям более полной научной легитимности. По этому

⁴ Там же. С. 897.

⁵ Там же. С. 897.

⁶ *Crick B. The American Science of Politics: Its Origins and Conditions* // London and New York: Routledge, 1959. – P. 133.

поводу Габриэль Алмонд отмечает, что «время от времени представители дисциплины склонны снова и снова задаваться вопросами «Мы наука?» или «Можем ли мы стать наукой?». ⁷ При этом в своей более поздней работе, Алмонд резюмирует, что «в своем стремлении стать научной политическая наука, как правило, была склонна к потере связи с собственной онтологической основой». ⁸ Аналогично этому, по мнению Бонда, для американской политологии приоритетным вопросом зачастую был вопрос не о том, «что?» изучать, а о том, «как?» изучать, то есть вопрос метода. ⁹

Роберт Гудин и Ханс-Дитер Клингеманн задаются вполне резонным вопросом относительно того, «помогает или препятствует приращение научного знания подлинно научному пониманию действительности?». ¹⁰ И стоит полагать, что накопление знания о политических вещах некорректно рассматривать как идентичное прогрессу дисциплины. Поэтому, говоря об успешности той или иной научной дисциплины, прежде всего, необходимо определить критерии, в соответствии с которыми можно делать определенные выводы о ее прогрессе. Дэвид Истон и Джон Ганнелл полагают, что в качестве критерия оценки эволюции американской политической науки разумно рассматривать не только некие формальные, то есть количественные показатели, но, прежде всего, то, насколько политическая наука преуспела в качественном, содержательном отношении. ¹¹

В этом смысле обращение к прошлому дисциплины в рамках американской политологии всегда рассматривалось в качестве того самого критерия или инструмента, посредством которого можно было бы оценить текущее состояние политической науки и то, насколько она преуспела в своем

⁷ *Almond G.* Political Theory and Political Science // *The American Political Science Review*. – 1966. – Vol. 60. – No. 4 (December). – P. 869.

⁸ *Almond G. A., Genco S.* Clouds, Clocks, and the Study of Politics // *World Politics*. – 1977. – Vol. 29. – No. 4. – P. 488.

⁹ *Bond J. R.* The Scientification of the Study of Politics. Some Observations on the Behavioral Evolution in Political Science // *The Journal of Politics*. – 2007. – Vol. 69. – No. 4 (November). – P. 897.

¹⁰ Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. – М.: Вече, 1999. – С. 40.

¹¹ *The Development of Political science. A Comparative Survey* / Ed. by D. Easton, J. Gunnell, L. Graziano. – London and New York: Routledge, 1990. – P. 1.

изначальном стремлении стать подлинно научной. Многие представители американской политической науки разделяют точку зрения относительно значимости исторической интерпретации ее эволюции. Так, Фрэнсис Либер утверждал, что «изучение прошлого учит нас отделению постоянного и существенного от случайного и поверхностного, оно является ключом к лучшему пониманию настоящего».¹² Джеймс Фарр и Раймонд Сайделман полагают, что «практика анализа и оценки состояния дисциплины в тот или иной период не является чем-то новым. Историография политической науки, или ее дисциплинарная история – это то, что является неотъемлемой частью самой дисциплины».¹³ Аналогично этому, Джон Ганнелл заявляет, что «изучение истории политической науки потенциально важно как для дисциплинарного самопонимания, так и для создания пространства для критических размышлений».¹⁴ В другой своей работе, он также подмечает, что «изложение истории политической науки всегда был ключевым элементом как внутренней риторики исследования дисциплины, так и поиска ее идентичности»¹⁵. Иными словами, для понимания современного состояния американской политической науки, ее сильных и слабых сторон и ее возможных перспектив неизбежна апелляция к ее прошлым достижениям.

Наиболее полный и детальный анализ эволюции американской политической науки и сопутствующего ей процесса сциентификации представляется невозможным без выделения ее основных тенденций и проблем, интерпретации их сущностного содержания и оценки того влияния, которое они оказали на современный статус дисциплины. Иными словами, выявление и характеристика базовых противоречий позволяет критически оценить, в какой степени американская политическая наука фактически преуспела в

¹² *Lieber F. History and Political Science, Necessary Studies in Free Countries // Discipline and History. Political Science in the United States / Ed. by J. Farr, R. Seidelman. - Ann Arbor: The University of Michigan Press. – 1993. – P. 24.*

¹³ *Discipline and History. Political Science in the United States / Ed. by J. Farr, R. Seidelman. - Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1993. – P.2.*

¹⁴ *Gunnell J. Handbooks and History: Is It Still the American Science of Politics? // International Political Science Review. – 2002. – Vol. 23. – No. 4. – P. 340.*

¹⁵ *Gunnell J. The Real Revolution in Political Science // PS: Political Science and Politics. – 2004. - Vol. 37. - No. 1. (January). – P. 47.*

имплементации двух своих ключевых намерений – в становлении более научной и более политической.¹⁶

Актуальность исследования обусловлена тем, что, по мнению некоторых исследователей, в современной американской политической науке наблюдаются признаки своеобразного интеллектуального кризиса¹⁷ и даже упадка.¹⁸ Несмотря на тот факт, что сциентификация американской политической науки, действительно, вывела изучение политического на качественно новый уровень, и она стала более строго научной не только формально, но и содержательно, ее во многом радикальный методологизм привел к тому, что она стала во многом индифферентной к подлинным политическим проблемам. По замечанию Лоуренса Мида, «многие современные политологи методологически подкованы, но совершенно некомпетентны в том, что касается сущностного аспекта их академических изысканий».¹⁹

Безусловно, политическая наука, как и любая другая научная дисциплина, имеет свои концептуальные и методологические ограничения. Любое знание всегда представляет собой искаженную, неполную и несовершенную интерпретацию действительности, а не ее абсолютно адекватную проекцию. Политическая наука, стремящаяся быть актуальной, постоянно нуждается в пересмотре и переосмыслении своих базовых положений и принципов. Таким образом, приоритетная цель современной американской политической науки состоит, во-первых, в преодолении того разрыва, который существует между фундаментальным научным знанием и прикладными вопросами политики, и, во-вторых, в поиске консенсуса между эмпирической и нормативной политической теорией, научной нейтральностью и приверженностью ценностям.

¹⁶ Корюшкин А.И. История современной политической науки как история поиска ее идентичности // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. – 2017. – Сер. 10. – Вып. 4. – С. 321.

¹⁷ Патцельт В.Д. Переживает ли политическая наука кризис? // Политическая наука. – 2018. - №1. - С. 69.

¹⁸ Mead L. M. Reforming Political Science // Poverty and Public Policy. – 2018. – Vol. 10. – No. 2. – P. 253.

¹⁹ Mead L. M. Scholasticism in political science // Perspectives on Politics. – 2010. – Vol. 6. – No. 2 (June). – P. 454.

Объектом исследования является американская политическая наука. **Предмет исследования** - процесс сциентификации американской политической науки.

Целью данной работы является попытка оценить влияние сциентификации на развитие и современное состояние американской политической науки. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Выделить основные тенденции в эволюции американской политической науки;
2. Проследить развитие идеи научности с начального периода институционализации американской политологии;
3. Охарактеризовать основные этапы процесса сциентификации;
4. Проанализировать существующие критические оценки процесса сциентификации;
5. Выделить основные проблемы и противоречия современной американской политической науки;
6. Выявить специфические характеристики современного состояния и возможные перспективы развития американской политической науки.

Теоретической основой данного исследования являются работы как самих американских политологов (Э. Л. Лоуэлл, Ч. Мерриам, Г. Лассуэлл, Д. Истон, Р. Даль, Г. Алмонд, К. Барроу, Д. Бонд, Л. Мид, Р. Смит, Я. Шапиро), историков политической науки (Д. Фарр, Д. Ганнелл, Д. Драйзек) и представителей европейской политической науки (Б. Крик, Э. Фегелин, Б. Фливберг).

Методологической основой данной работы является применение метода исторического и критического анализа и интерпретации идей.

Степень разработанности проблемы. В Соединенных Штатах, история американской политической науки является одной из субдисциплин в рамках политической теории.²⁰ В различные периоды на исследовании эволюции дисциплины были сосредоточены такие ученые как *Бернард Крик*²¹; *Альберт Сомит*, *Джозеф Таненхаус*²²; *Фред Гринстайн*, *Нельсон Полсби*²³; *Дуайт Уалдо*; *Ада Финифтер*²⁴; *Роберт Гудин*, *Ханс-Дитер Клингеманн*²⁵; *Дэвид Истон*, *Джон Ганнелл*²⁶; *Джеймс Фарр*, *Раймонд Сайделман*²⁷. В отечественной политической науке данная проблематика является предметом научного интереса таких исследователей как *Ю.В. Ирхин*²⁸, *А.И. Корюшкин*²⁹, *В.Н. Лозовой*, *Л. М. Семеренко*, *В.И. Демченко*.³⁰

²⁰ *Корюшкин А.И.* История современной политической науки как история поиска ее идентичности // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. – 2017. – Сер. 10. – Вып. 4. – С. 328.

²¹ Crick B. The American Science of Politics: Its Origins and Conditions // London and New York: Routledge, 1959.

²² *Somit A., Tanenhaus J.* The Development of American Political Science: from Burgess to Behavioralism // Boston: Allyn and Bacon. – 1967.

²³ *Greenstein F., Polsby N.* Handbook of Political Science // MA: Addison-Wesley. – 1975.

²⁴ *Finifter A.* Political Science: The State of the Discipline // Washington, DC: American Political Science Association. – 1983; *Finifter A.* Political Science: The State of the Discipline II // Washington, DC: American Political Science Association. – 1993.

²⁵ *Goodin R. Klingemann H.-D.* A New Handbook of Political Science // Oxford: Oxford University Press. – 1996.

²⁶ The Development of Political science. A Comparative Survey / Ed. by D. Easton, J. Gunnell, L. Graziano. – London and New York: Routledge, 1990.

²⁷ Discipline and History. Political Science in the United States / Ed. by J. Farr, R. Seidelman. - Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1993.

²⁸ *Ирхин Ю. В.* Миссия, особенности развития и методология политологической школы США (к 135-летию академической политической науки в США // Вопросы политологии. – 2014. – Вып. 2. - №14. – С. 16-25; Политическая наука в США // Полития. - 2004. - №2 (33). – С. 175-199.

²⁹ *Корюшкин А.И.* Исторические и актуальные импликации движения «Perestroika» в современной американской политической науке // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. – 2016. – Сер. 6. – Вып. 4. – С. 23-35; История современной политической науки как история поиска ее идентичности // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. – 2017. – Сер. 10. – Вып. 4. – С. 320-333; Феномен кризиса идентичности американской политической науки в ее дискурсе и историографии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. – 2019. – Том 46. – № 4. – С. 754-766.

³⁰ *Демченко В.И., Лозовой В.Н., Семеренко Л.М.* Политическая наука в США: история и современность. – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2003. – 419 с.

Глава 1. Историческая эволюция американской политической науки

1.1 Основополагающие тенденции в эволюции американской политической науки

1. Поиск дисциплинарной идентичности

Одним из приоритетных вопросов в процессе формирования любой научной дисциплины является точное и лаконичное определение предмета исследования.³¹ Естественным, что политическая наука, фокусируется, прежде всего на тех феноменах, которые имеют прямое или косвенное отношение ко всему тому, что может быть обозначено как «политическое». Весьма парадоксально, но категория «политики» до сих пор остается одной из самых неопределенных в дискурсе политической науки. По замечанию Дэвида Истона, «наиболее характерная черта западной политической науки – это отсутствие консенсуса относительно универсального определения предмета ее исследования».³² Подобная сложность с определением возникает вовсе не по причине отсутствия ответа как такового, а из-за бесконечного множества альтернативных ответов. Возможно, подобное многообразие теоретических интерпретаций предмета политической науки проистекает из неоднозначной и неуловимой природы самого «политического». Так или иначе, отсутствие универсальной и окончательной дефиниции политического в значительной степени осложняет понимание сущности политической науки.

Но еще более важным вопросом по сравнению с поиском единственной и исчерпывающей формулировки предмета политической науки выступает поиск ее дисциплинарной идентичности. В интерпретации А.И. Корюшкина, «история современной политической науки представляет собой историю поиска ее

³¹ *Smith M.* The Domain of Political Science // *The Political Science Quarterly*. – 1886. - Vol. 1. – No. 1. - P. 1.

³² *Easton D.* Political Science in the United States: Past and Present // *International Political Science Review*. – 1985. – Vol. 6. – No. 2. – P. 133.

идентичности».³³ Но если относительно единого понимания феномена политического и может быть достигнут хотя бы относительный, минимальный консенсус, то поиск идентичности представляется довольно нелинейным и противоречивым процессом в том смысле, что он не может быть завершен. Согласно Джону Ганнеллу, «проблема дисциплинарной идентичности нуждается в постоянном пересмотре».³⁴ Иными словами, окончательно обретенная идентичность означала бы конец науки. И те неоднократные изменения и сдвиги в понимании своей собственной идентичности, которые претерпела американская политическая наука на протяжении длительного периода своего формирования, являются прямым подтверждением того, что существование статичной науки о политике, раз и навсегда определившейся со своей идентичностью, не только невозможно, но и бессмысленно в виду специфических особенностей предмета этой науки - самой политики. Сложная, многогранная и эфемерная природа политики, характеризующаяся ее подверженностью неизбежным изменениям, вынуждает политических ученых принимать во внимание этот перманентно изменяющийся контекст практической политики в поисках актуализации содержания своего знания и постоянного пересмотра и переосмысления фундаментальных принципов своей науки. Так, Дэвид Истон в своем президентском послании APSA³⁵ утверждал, что «политическая наука не может заявлять об окончании своего развития, а политические ученые не могут быть привержены неизменному образу дисциплины».³⁶ Иными словами, имманентной характеристикой политической науки должно быть то, что Фарр и Сайделман называют «дисциплинарной саморефлексией».³⁷ Что касается американской политической науки, то естественно, что ее первоначальная идентичность была предопределена тем

³³ Корюшкин А.И. История современной политической науки как история поиска ее идентичности // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. – 2017. – Сер. 10. – Вып. 4. – С. 320.

³⁴ Gunnell J. Handbooks and History: Is It Still the American Science of Politics? // International Political Science Review. – 2002. – Vol. 23. – No. 4. – P. 340.

³⁵ APSA (аббревиатура American Political Science Association) – «Американская ассоциация политических наук».

³⁶ Easton D. The New Revolution in Political Science // The American Political Science Review. – 1969. - Vol. 63. - No. 4 (December). – P. 1052-1053.

³⁷ Discipline and History. Political Science in the United States / Ed. by J. Farr, R. Seidelman. - Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1993. – P.1.

политическим контекстом, в условиях которого она была сформирована. Согласно Джону Драйзеку, «американская политика была основополагающим фактором, определившим базовую идентичность и нормативную цель политической науки».³⁸ Аналогичным образом, Истон и Ганнелл подчеркивают, что становление американской политической науки было отражением и прямым продолжением соответствующей политической практики.³⁹ Иными словами, политическая наука как академическая дисциплина представляет собой действительный продукт американской политической истории и культуры.

2. Стремление к политической релевантности

Эволюция американской политической науки была также ознаменована стремлением сделать политическое знание не только строго научным, но и политически релевантным. Восприняв базовый тезис позитивистской науки о том, что знание должно быть не только точным, но и полезным, политические ученые, тем не менее, направили свои интеллектуальные усилия, в первую очередь, на то, чтобы сделать свою дисциплину более «сциентистской», но при этом пожертвовав чисто прагматическими целями.

Роберт Патнэм в этом отношении постулирует, что «слепая погоня за точностью подорвала всякую актуальность политической науки».⁴⁰ Парадоксально, но именно процесс сциентификации стал одной из причин порождения дилеммы, при которой научность и политическая релевантность оказались во многом несовместимыми категориями. Патнэм объясняет, что подобная дилемма сводится к тому, что политическая наука может быть или только научной, но при этом фактически отстраненной от политической реальности и индифферентной к практическим проблемам, или общественно

³⁸ Dryzek J. S. Revolutions without Enemies: Key Transformations in Political Science // The American Political Science Review. - 2006. - Vol. 100. - No. 4 (November). - P. 487.

³⁹ The Development of Political science. A Comparative Survey / Ed. by D. Easton, J. Gunnell, L. Graziano. - London and New York: Routledge, 1990. - P. 5.

⁴⁰ Putnam R. D. APSA Presidential Address. The Public Role of Political Science // Perspectives on Politics. - 2003. - Vol. 1. - No. 2 (June). - P. 250.

актуальной, но с неизбежным пренебрежением фундаментальными принципами научности. Очерчивая данную проблему, Патнэм полагает, что критерии методологической строгости и политической значимости отнюдь не противоречивы, и, следовательно, задача политических ученых, в конечном счете, сводится к тому, чтобы синтезировать эти, по своей сути, равнозначные требования. Иными словами, преследование интеллектуальной истины и зависимость от практических задач должны быть подчинены одной и той же цели – «достижению более глубокого понимания политики».⁴¹

Тем не менее, было бы довольно логично предположить, что для целей политологического исследования более приоритетным критерием ценности знания представляется не только безупречная строгость научной процедуры, посредством которой это знание генерируется, но то, насколько подобное знание является политически релевантным для более полного понимания всего спектра проблем политического и его воплощения в практической политике. Иными словами, «знание ради знания»⁴² представляет собой ценность лишь в ограниченном контексте академической науки, в то время как в рамках практической политики подобное знание, во-первых, должно трансформироваться в своеобразный «политический ресурс»⁴³, во-вторых, оно должно быть в большей степени прозрачным, понятным и доступным в том числе и для неакадемической аудитории.⁴⁴

Однако при этом стоит учитывать, что чрезмерный акцент на релевантности не должен порождать иллюзию того, что политическая наука и ее интеллектуальные достижения представляют собой панацею от всех проблем, с которыми ежедневно сталкивается общество. Согласно Патнэму,

⁴¹ Там же. С. 249.

⁴² *Smith R.* Should We Make Political Science More of a Science or More about Politics // *PS: Political Science and Politics*. – 2002. – Vol. 35. – No. 2. (June). – P. 199.

⁴³ *Weingart P.* Scientific Expertise and Political Accountability: Paradoxes of Science in Politics // *Science and Public Policy*. – 1999. – Vol. 26. – No. 3 (June). – P. 152.

⁴⁴ *Putnam R. D.* APSA Presidential Address. The Public Role of Political Science // *Perspectives on Politics*. – 2003. – Vol. 1. – No. 2 (June). – P. 252.

«ответы науки не всегда согласуются с неотложными вопросами».⁴⁵ Зачастую фундаментальная наука бессильна в отношении практических задач и не в состоянии предоставить обоснованные и окончательные решения политических проблем. По замечанию Идо Орена, «несмотря на то, что зачастую политологи желают, чтобы нормы, подразумеваемые их анализом, становились политическими фактами, в политической науке, в отличие от наук о природе, итоги стабильного научного знания и практического контроля не всегда могут быть совместимы друг с другом».⁴⁶ Иными словами, фундаментальное ограничение политической науки состоит в том, что результаты политологических исследований не могут быть незамедлительно внедрены в политическую практику, поскольку научные гипотезы и выводы в области политики по своему характеру не аналогичны результатам естественнонаучного исследования. Иначе говоря, они имеют статус, скорее, нормативных предписаний или рекомендаций, нежели законов.

Более того, дилемма генерации квалифицированного знания о политике и его прикладного статуса является трудноразрешимой еще и по причине того, что существует прямая зависимость между степенью точности и квалифицированности политического знания и успешностью в принятии правильных политических решений. Тем не менее, Патнэм резюмирует, что подлинное достоинство политической науки заключается не в том, чтобы давать ответы на те или иные вопросы, а в том, чтобы задавать все больше и больше новых вопросов.⁴⁷

Еще одним важным вопросом представляется проблема «строгих этических стандартов»⁴⁸, а именно профессиональная этика и социальная ответственность политического ученого. С одной стороны, порождая бесчисленные дискуссии о предметах, которые имеют очень косвенное

⁴⁵ Там же. С. 252.

⁴⁶ *Oren I.* Can Political Science Emulate the Natural Sciences? The Problem of Self-Disconfirming Analysis // *Polity*. – 2006. – Vol. 38. – No. 1 (January). – P. 77.

⁴⁷ *Putnam R. D.* APSA Presidential Address. The Public Role of Political Science // *Perspectives on Politics*. – 2003. – Vol. 1. – No. 2 (June). – P. 251.

⁴⁸ Там же. С. 249.

отношение к повседневным политическим проблемам, академическая наука рискует утратить авторитет и собственную социальную значимость. Например, Макс Скидмор сетует по поводу того, что сосредоточение политических ученых на чистой фундаментальной науке одновременно является своеобразным «уходом от ответственности».⁴⁹ По справедливому предположению Скидмора, «чем выше компетентность ученого, тем выше и его ответственность перед обществом».⁵⁰ Но, с другой стороны, правомерно и замечание Патнэма о том, что прямая вовлеченность в практическую политическую деятельность представляет угрозу для академической репутации политической науки, претендующей на идеологическую нейтральность.⁵¹

3. Тенденция к теоретической, методологической и идеологической фрагментации

Нескончаемый поток новых теоретических моделей и методологических подходов, претендующих на доминирующую позицию в американской политической науке, обеспечивает дисциплине непрерывное интеллектуальное развитие. Согласно Фарру и Сайделману, «наиболее точная и имманентная характеристика американской политологии, неизменно присущая ей и прослеживаемая на протяжении всего периода ее существования – ее теоретическая, методологическая и политическая гетерогенность». По их мнению, именно полемический характер американской политической науки, то есть существование перманентной дискуссии относительно той или иной проблематики, а не консенсус по фундаментальным принципам, придают дисциплине ту идентичность, которой она сейчас обладает.⁵²

По предположению Дэвида Истона, «дисциплина кажется раздробленной и преследует многие цели одновременно именно потому, что теории, методы и

⁴⁹ Skidmore M. Advancing Toward Science: Retreating from Responsibility // Poverty and Public Policy. – 2018. – Vol. 10. – No. 2. – P. 265.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Putnam R. D. APSA Presidential Address. The Public Role of Political Science // Perspectives on Politics. – 2003. – Vol. 1. – No. 2 (June). – P. 253.

⁵² Discipline and History. Political Science in the United States / Ed. by J. Farr, R. Seidelman. - Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1993. – P.6.

исследовательские подходы служат предметом полемики, то есть находятся в процессе перманентного изменения».⁵³

Габриэль Алмонд заявляет, что американская политология характеризуется множеством конкурирующих между собой перспектив, представленных различными школами и «сектами», каждая из которых предлагает свое собственное видение идеальной политической науки.⁵⁴ Более того, Алмонд полагает, что дисциплина фрагментирована не только методологически, но и идеологически.⁵⁵ Иными словами, политические ученые привержены не только различным теоретическим концепциям и методологиям, но и весьма различным ценностям. Более того, Алмонд акцентирует внимание на том, что каждая из этих отдельных школ и сект американской политической науки склонна к предложению собственной версии исторического развития дисциплины. Аналогичным образом, Фарр и Сайделман подтверждают, что фрагментация американской политологии выражается в наличии большого разнообразия альтернативных интерпретаций истории дисциплины, в которых одним и тем же фактам прошлого может придаваться неравное значение.⁵⁶

По методологическому критерию Алмондом выделяется две позиции: мягкая и жесткая. К мягкой методологии он относит (1) чисто дескриптивный подход к анализу, характеризующийся отсутствием каких-либо значимых гипотез и доказательств; (2) подход, ориентированный на интерпретацию и постижение «смысла» посредством изучения политико-философских идей и (3) более строгие подходы, базирующиеся на привлечении фактических данных и логического анализа. К жесткой методологии относятся формализованные, преимущественно статистические и эконометрические методы исследования. Данная позиция представлена теорией рационального выбора и ее возможными

⁵³ Easton D. Political Science in the United States: Past and Present // International Political Science Review. – 1985. – Vol. 6. – No. 2. – P. 144.

⁵⁴ Almond G. A. Separate Tables: Schools and Sects in Political Science // PS: Political Science and Politics. – 1988. – Vol. 21. – No. 4. – P. 828.

⁵⁵ Там же. С. 829.

⁵⁶ Discipline and History. Political Science in the United States / Ed. by J. Farr, R. Seidelman. - Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1993. – P.3.

вариациями. В соответствие с идеологическим критерием, аналогичным образом, группы политических ученых подразделяются на левое крыло, включающее приверженцев марксистской теории и ее разновидностей, и правое крыло, представленное адептами неоконсерватизма. При этом, Алмонд объясняет, что подобная классификация представляет собой приблизительную схему и предполагает, что фактическое разделение политических ученых на различные группы не обязательно ей соответствует.⁵⁷ Очевидно, что в подобном идеологическом разделении явно прослеживается тот факт, что политологи не только отдают предпочтение противоположным политическим ценностям, но и проецируют эти ценности на предмет научного анализа. Несмотря на то, что некоторые группы ученых проповедуют идею о том, «политически нейтральная политология невозможна», Алмонд справедливо резюмирует, что «американской политической науке как академической профессии не следует отказываться от профессиональной честности, превращая исследование и преподавание в политическую пропаганду».⁵⁸

Таким образом, Алмонд рассматривает американскую политическую науку как раздробленную и разделенную на четыре отдельных «столика» в его воображаемом «кафе», где «собрались» все политологи: мягкие левые, жесткие левые, мягкие правые и жесткие правые. При этом, как замечает Алмонд, большая часть политических ученых, отличающихся эклектичностью, идеологической сдержанностью и готовностью менять собственную методологию, располагается в центре⁵⁹ такого «кафе». Как полагает А.И. Корюшкин, «такая неопределенность, эклектичность центральной части, является выражением определенной характеристики состояния современной политической науки, которая свидетельствует о ее до сих пор существующей

⁵⁷ Там же. С. 830.

⁵⁸ Там же. С. 835.

⁵⁹ Там же. С. 830.

принципиальной неопределенности, расщепленности самосознания, ее идентичности».⁶⁰

⁶⁰ Корюшкин А.И. История современной политической науки как история поиска ее идентичности // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. – 2017. – Сер. 10. – Вып. 4. – С. 332.

1.2 Историческое развитие идеи научности до периода бихевиорализма

Апеллируя к довольно тривиальному положению о том, что любая наука представляет собой ни что иное, как совокупность систематизированных знаний⁶¹, можно предположить, что политическое знание вполне может претендовать на то, чтобы считаться поистине научным. С другой стороны, понимание сущности науки как набора неких фактов о том или ином предмете представляется несколько примитивным. По мнению Гудина и Клингеманна, ответ на вопрос, о том, является ли политическое знание поистине научным, зависит от того, что подразумевается под самим понятием «наука».⁶² Джон Бонд полагает, что в разные времена термину «наука» придавался различный смысл. «В архаическом смысле под наукой подразумевается просто знание, в современном значении наука представляет собой метод, основанный на систематическом наблюдении».⁶³ Бонд не сомневается в научной легитимности политологии, при этом отмечая, что она находится на более ранней стадии развития, чем естественные и материальные науки. Однако Бонд не разделяет точки зрения о том, что «изучение более сложных статистических методов само по себе способствует научному развитию».⁶⁴

В дефиниции, предложенной Гудином и Клингеманном, подразумевается, что наука представляет собой «систематическое изучение, направленное на создание все более дифференцированного комплекса упорядоченных представлений об эмпирическом мире».⁶⁵ Тем не менее, политическая наука, согласно авторам, пока еще очень далека от того, что обычно именуется в качестве «нормальной» науки, или «позитивистской» науки, показательным примером которой являются физические науки. «Глубинная причина

⁶¹ *Farr J. Political Science // The Cambridge History of Science: Vol. 7. The Modern Social Sciences / Ed. by T. Porter, D. Ross. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. – P. 306.*

⁶² Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. - М.: Вече, 1999. – С. 35-36.

⁶³ *Bond J. R. The Scientification of the Study of Politics. Some Observations on the Behavioral Evolution in Political Science // The Journal of Politics. – 2007. - Vol. 69. - No. 4 (November). - P. 897.*

⁶⁴ Там же. С. 19.

⁶⁵ Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. - М.: Вече, 1999. – С. 35.

неприемлемости позитивистского подхода к изучению политической науки кроется в невозможности однозначного толкования самого предмета исследования».⁶⁶ Иными словами, отсутствие универсальной дефиниции и специфика самого предмета политической науки является базовой причиной того, почему она не может соответствовать всем критериям «нормальной» науки. Несмотря на то, что по ряду причин, политическая наука не может сравниться с естественнонаучными дисциплинами, формально она все же «обладает атрибутами, присущими любой отрасли научного знания».⁶⁷

Выражение сциентистских интенций в той или иной форме было характерно для многих представителей американской политической науки уже с начального периода ее развития. По замечанию Джона Драйзека, «пропаганда идеи научности прослеживается с момента основания дисциплины».⁶⁸ Но, тем не менее, представляется важным подчеркнуть, что в добихевиоралистский период исследования политики, идея научности носила преимущественно характер теоретических спекуляций, она, во многом, не была еще должным образом концептуализирована, то есть, организована и оформлена в строгую систематическую теорию, которая предполагала бы детальную разработку соответствующих научных принципов, критериев и процедур. Тем не менее, подобные факты обнаружения и фиксации теоретико-методологических рассуждений о научности в исторической перспективе представляются довольно ценными, поскольку позволяют более детально проследить эволюцию идеи сциентификации политического знания.

Смещение интеллектуального интереса в сторону позитивистского анализа политических феноменов было наиболее полно реализовано в рамках возникновения так называемой «новой науки и политике» и в направлении, которое произвело подлинную научную революцию в исследовании политики - бихевиорализме. Однако, еще до возникновения «новой политической науки» и

⁶⁶ Там же. С. 36.

⁶⁷ Там же. С. 36.

⁶⁸ Dryzek J. S. *Revolutions without Enemies: Key Transformations in Political Science* // *The American Political Science Review*. - 2006. - Vol. 100. - No. 4 (November). - P. 489.

поведенческого подхода были сделаны важные шаги в попытке ухода от философского, преимущественно нормативного, и формально-институционального анализа политических феноменов. Например, Джон Бонд убежден в том, что «научное изучение политики» было обычным явлением еще задолго до зарождения бихевиорального подхода». ⁶⁹ Согласно Джеймсу Фарру и Раймонду Сайделману, «среди некоторых современных политологов прослеживается тенденция говорить о политической науке до 1950-х годов лишь как о довольно неискушенной прелюдии к последующим поведенческой и постповеденческой эпохам». ⁷⁰ В этом отношении авторы выражают свое категорическое несогласие с подобной риторикой и отмечают, что за четыре десятилетия добихевиорального периода развития американской политической науки ее представители, фактически, подготовили интеллектуальную почву для возвышения бихевиорализма.

В классической периодизации американской политической науки, предложенной Дэвидом Истоном, выделяется четыре этапа развития дисциплины. Добихевиоралистский период политологии характеризуется формальным и традиционным этапами. Истон отмечает, что основной особенностью данного периода является преимущественно дескриптивный характер политологического исследования, отсутствие адекватного методологического инструментария и четких критериев научности. Вопросы методологии, в частности, разработка специфических методов политического анализа, на данном этапе еще не рассматривались в качестве приоритетной среди других структурных составляющих политической науки. Аналогично этому, смешение дескриптивного и нормативного подходов к исследованию политики многими политическими учеными того периода не воспринималось в качестве актуальной проблемы, требующей специального рассмотрения. Еще одна отличительная характеристика американской политологии данного

⁶⁹ Bond J. R. The Scientification of the Study of Politics. Some Observations on the Behavioral Evolution in Political Science // The Journal of Politics. – 2007. - Vol. 69. - No. 4 (November). - P. 899.

⁷⁰ Discipline and History. Political Science in the United States / Ed. by J. Farr, R. Seidelman. - Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1993. – P.107.

периода состояла в отсутствии должной концептуализации науки. Согласно Истону, «политическая теория на раннем этапе представляла собой не теорию в современном смысле слова, а скорее историю политической мысли».⁷¹ Тем не менее, несмотря на недостаточную развитость дисциплины в методологическом плане, были сделаны некоторые шаги на пути отказа от излишне формалистского характера изучения и расширения области исследования политической науки до неформальных аспектов политической деятельности.⁷²

При анализе содержания академической полемики о научном статусе политологии довольно четко прослеживается тот факт, что отличительной характеристикой научной позиции практически каждого американского политолога было формулирование своего собственного видения «идеального» образа дисциплины. И в целях оценки того, насколько подобные амбиции оправдали себя, существует естественная необходимость прибегнуть к рассмотрению истории американской политической науки и сопутствующих ей идей.

Впервые, мысли о необходимости «серьезного и научного подхода к политике» были высказаны в 1857 году первым профессором политической науки в Колумбийском колледже Фрэнсисом Либером.⁷³ Согласно Джеймсу Фарру, «Либером были подняты важные методологические вопросы, касающиеся электоральной статистики и текстуальной герменевтики».⁷⁴ Однако, несмотря на убеждение в том, что политическое знание неизбежно должно приобрести характер научного, он, тем не менее, выразил сомнение в возможности обнаружения универсальных истин в области политики, заявив,

⁷¹ *Easton D. Political Science in the United States: Past and Present // International Political Science Review. – 1985. – Vol. 6. – No. 2. – P. 136.*

⁷² Там же. С. 136.

⁷³ *Lieber F. History and Political Science, Necessary Studies in Free Countries // Discipline and History. Political Science in the United States / Ed. by J. Farr, R. Seidelman. - Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1993. – P. 26.*

⁷⁴ *Farr J. Political Science // The Cambridge History of Science: Vol. 7. The Modern Social Sciences / Ed. by T. Porter, D. Ross. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. – P. 308.*

что «нет никакой истины, которая в тот или иной момент не может быть подвергнута сомнению».⁷⁵

Манро Смит полагает, что, поскольку базовой целью науки является раскрытие истины, ее методы должны быть максимально приспособлены к реализации подобной цели. В социальных науках, по мнению Смита, «единичный факт не имеет никакого значения: мы накапливаем только те факты, которые кажутся нам схожими, классифицируем и переклассифицируем их, отбрасывая поверхностные и случайные сходства, тем самым обнаруживая более глубокие взаимосвязи».⁷⁶ И в этом смысле, Смит утверждает, что первоначальные средства и способы научного накопления фактов и их сравнения, это, прежде всего, статистика, сравнительное правоведение и история.⁷⁷

Джеймс Брайс предлагал рассматривать природу политической науки, посредством ее противопоставления с математическими науками. По словам Брайса, математические науки представляют собой классический пример точных наук. Факты, которые являются предметом такого типа наук, одинаковы вне зависимости от места и времени. Законы и выводы таких наук поддаются выражению в точных терминах и количественных характеристиках, и, соответственно, имеют универсальное значение. Политическая наука, по замечанию Брайса, напротив, не является наукой в подобном смысле, поскольку ее законы не пригодны для точного формулирования и количественного выражения.⁷⁸

Согласно Чарльзу Бирду, «каждая наука начинается с овладения некоторыми определенными и осязаемыми фактами, а ее прогресс состоит в

⁷⁵ *Lieber F.* History and Political Science, Necessary Studies in Free Countries // *Discipline and History. Political Science in the United States* / Ed. by J. Farr, R. Seidelman. - Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1993. - P. 26.

⁷⁶ *Smith M.* The Domain of Political Science // *The Political Science Quarterly*. - 1886. - Vol. 1. - No. 1. - P.4.

⁷⁷ Там же. С. 4.

⁷⁸ *Bryce J.* The Relations of Political Science to History and to Practice: Presidential Address, Fifth Annual Meeting of the American Political Science Association // *American Political Science Review*. - 1909. - Vol. 3. - No. 1 (February). - P.2.

отслеживании бесчисленных отношений, которые существуют между этими фактами».⁷⁹ При этом Бирд полагал, что «политическая наука, по сути, не имеет особого поля данных»⁸⁰, иными словами, политическая наука не направлен на выбор конкретных специфических фактов, а, скорее, является своеобразным способом, посредством которого эти факты рассматриваются. При этом, Бирд анализируя классическую дихотомию естественных / гуманитарных наук, отмечает, что «любое знание, когда оно применяется к тем или иным проблемам, довольно ограничено», и в этом смысле естественнонаучное знание также не лишено подобного недостатка.⁸¹ Артур Бентли, напротив, выражает скепсис относительно возможностей социального исследования предоставить ученым то количество проверяемой и значимой информации, как это представляется возможным в естественных науках.⁸²

Эббот Лоуренс Лоуэлл проводил интересную параллель между естественными и гуманитарными науками, сравнивая различные отрасли биологии с их возможными аналогами в области социальных дисциплин: цитологию с психологией, гистологию с социологией, и морфологию с исследованием структуры политики. И подобно тому, как физиология рассматривает функции различных органов человеческого организма, политическая наука сосредотачивается на анализе функций институтов государственной власти.⁸³ Сравнивая государство с организмом, а несовершенства политической системы с патологиями, Лоуэлл заявляет о необходимости реформирования дисциплины и смещения акцента с отвлеченных философских вопросов на эмпирически обоснованное исследование текущих политических процессов. Призыв Лоуэлла, таким образом, состоит в необходимости создания «физиологии политики»,

⁷⁹ *Beard C. Politics // Discipline and History. Political Science in the United States / Ed. by J. Farr, R. Seidelman. - Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1993. - P. 113.*

⁸⁰ Там же. С. 113.

⁸¹ Там же. С. 114.

⁸² *Crick B. The American Science of Politics: Its Origins and Conditions // London and New York: Routledge, 1959. - P. 215.*

⁸³ *Lowell A. L. The Physiology of Politics // The American Political Science Review. - 1910. - Vol. 4. - No. 1 (February). - P. 1-2.*

адаптированной к научным процедурам, использующимся в естествознании.⁸⁴ Подобно своим предшественникам, в своих рассуждениях Лоуэлл предпринимал попытку отхода от формального анализа политических институтов и фокусировался на «важности изучения фактической деятельности государства».⁸⁵ Лоуэлл подчеркивал, что исследования, ограничивающиеся сбором фактов, зачастую не учитывают условия возникновения этих фактов. Лоуэлл критиковал современную ему науку о политике за излишнюю теоретичность и малую степень практичности.⁸⁶ Уильям Беннет Манро, в свою очередь, высказывал мысли о возможности обнаружения «непреклонных законов политики». Он заявлял, что «под влиянием идей, заимствованных из натуралистической философии, мы можем предположить, что наука о государственном управлении только тогда может считаться наукой, когда она основана на совокупности окончательных и фиксированных единообразий».⁸⁷

Стремление сделать изучение политики подлинно научным стало более обоснованным и явно выраженным уже к началу 1920-х годов. Дэвид Ричи отмечает, что «с 1920 года акцент на науке, наконец, достиг совершеннолетия», а стремление сделать политическую науку еще более научной в большей степени воплощалось на практике.⁸⁸ Первые «фундаментальные изменения» в построении подлинной науки о политике обычно связывают с именем Чарльза Мерриама и интеллектуальной деятельностью Чикагской школы политической науки, которая во многом является предтечей бихевиорального направления в развитии политической науки. Майкл Хини и Джон Хэнсен заявляют, что, хотя Чикагская школа была не единственной, заявившей о необходимости переориентации научного изучения политики и принятии в качестве своей основы, естественнонаучной модели, она, тем не менее, была самым продуктивным и самым влиятельным соучастником в деле развития

⁸⁴ Там же. С. 3.

⁸⁵ Там же. С. 3.

⁸⁶ Там же. С. 4.

⁸⁷ *Munro W.B.* Physics and Politics – an Old Analogy Revised // *The American Political Science Review*. – 1928. – Vol. 22. – No. 1 (February). – P. 3-4.

⁸⁸ *Ricci D.* Contradictions of a Political Science // *Discipline and History. Political Science in the United States* / Ed. by J. Farr, R. Seidelman. - Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1993. – P. 165.

американской политической науки. Исследователи Чикагской школы, по замечанию Хини и Хэнсена, были первыми, кто начал применять такие количественные методы, как корреляционный, регрессионный, факторный и контент-анализ и использовать методику опросов и полевых исследований.⁸⁹

Для Чарльза Мерриама прогресс американской политической науки был напрямую связан с заимствованием и совершенствованием исследовательских методов смежных социальных дисциплин.⁹⁰ Интерес Мерриама, тем не менее, вызывала не только научная обоснованность знания, генерируемого дисциплиной, но также и релевантность политического анализа для современной политической практики, в связи с чем он утверждал необходимость создания «новой политической науки», а реконструкцию методов и сосредоточение на изучении политического поведения центральными ступенями к правильному политологическому исследованию.⁹¹ Призыв к созданию такого рода науки, существенно отличной от прежней, был предопределен теми вопросами, которые неизбежно возникали при попытке объяснения качественно новой политической ситуации, для понимания которой сложившиеся в рамках классической философской традиции подходы не могут рассматриваться в качестве пригодных. Критикуя доминировавшие в то время сравнительно-исторический и философско-дедуктивный подходы к анализу политики и классическую политическую теорию за присущие ей чрезмерную абстрактность и формализм, Мерриам утверждал, что «новая политическая наука» должна, во-первых, принять политическое поведение за исходную единицу научного анализа, и во-вторых, быть сконструирована по модели естественных наук. А ее методологическим базисом должны стать, прежде всего, обращение к прямому наблюдению, психологическим и статистическим

⁸⁹ Hansen J. M., Heaney M.T. Building the Chicago School // The American Political Science Review. – 2006. – Vol. 100. – No. 4 (November). – P. 589.

⁹⁰ Merriam C. E. Recent Advances in Political Methods // Discipline and History. Political Science in the United States / Ed. by J. Farr, R. Seidelman. - Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1993. – P. 130.

⁹¹ Merriam C. E. The Present State of the Study of Politics // The American Political Science Review. – 1921. – Vol. 15. – No. 2 (May). – P. 174.

методам исследования.⁹² В этом отношении, Мерриам обосновывает подобную апелляцию к методологическим достижениям естествознания тем, что в действительности «социальная наука и естественная наука объединены стремлением к достижению общей цели – правильному пониманию и установлению контроля над человеческим поведением».⁹³

Для одного из выдающихся студентов Мерриама, Гарольда Лассуэлла, идеальный образ подлинной политической науки был связан с развитием более реалистического подхода к анализу политического и с категорией истины».⁹⁴ «Ученый, по мнению Лассуэлла, это, прежде всего, специалист по систематическому выражению новой истины».⁹⁵ Наука, по определению Лассуэлла, представляет собой «систематизацию некоторых наблюдений в соответствии со сложным набором постулатов, определений и предположений».⁹⁶ В этом смысле Лассуэлл придает приоритетное значение теоретической деятельности над эмпирической, а отождествление науки со «сбором фактов» считает в высшей степени некорректным.⁹⁷ Что же касается типичного для дебатов о научности противопоставления «науки» и «философии», Лассуэлл полагал, что идентификация «движения к науке» в качестве «восстания против философии» является примитивным заблуждением.⁹⁸ Таким образом, стоит подчеркнуть, что фактически во всех идеях представителей американской политической науки добихевиорального периода содержится призыв сделать науку о политике более эмпиричной и менее подверженной философскому влиянию.

⁹² Там же. С. 182.

⁹³ *Merriam C.E.* Progress in Political Research // *American Political Science Review*. – 1926. – Vol. 20. – No. 1. – P. 12.

⁹⁴ *Crick B.* The American Science of Politics: Its Origins and Conditions // London and New York: Routledge, 1959. – P.178.

⁹⁵ *Lasswell G.* Specialists on Intelligence // *Discipline and History. Political Science in the United States* / Ed. by J. Farr, R. Seidelman. – Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1993. – P. 160.

⁹⁶ Там же. С. 160.

⁹⁷ *Crick B.* The American Science of Politics: Its Origins and Conditions // London and New York: Routledge, 1959. – P.177.

⁹⁸ Там же. С. 176.

1.3 Основные этапы сциентификации

Процесс сциентификации был ознаменован конфронтацией двух противоречащих друг другу ориентаций. В этом смысле представляется важным обратиться к периодизации эволюции американской политической науки и выделить исключительно те направления, анализ которых позволит приблизиться к пониманию логики научного развития дисциплины. Если бихевиорализм и теория рационального выбора представляют собой структурные составляющие, раскрывающие и поддерживающие процесс сциентификации, то Движение за новую политическую науку (The Caucus for the New Political Science) и Движение «Perestroika» в американской политической науке по своему содержанию и риторике занимают во многом противоположную, антисциентистскую позицию. При этом постбихевиорализм как интеллектуальное направление, по сути, занимает промежуточное положение между позитивистской ориентацией и ее критикой в рамках дисциплины, одновременно синтезировав в себе как сциентистские, так и антисциентистские интенции. Постбихевиорализм представляет собой, с одной стороны, некое продолжение бихевиорализма, его модифицированную версию, а с другой стороны, существенную критику его базовых постулатов.

Действительно, сциентистские намерения американской политической науки в наиболее полной и эксплицитной форме нашли свое выражение в возникновении ее бихевиорального направления. Согласно Роберту Далю, поведенческий дискурс был прямым следствием неудовлетворенности традиционной политической наукой.⁹⁹ Иначе говоря, в качестве отправной точки возникновения и развития бихевиоральной политической науки следует обозначить ее вступление в жесткую конфронтацию с классической политической теорией и критику ее фундаментальных принципов. Идея подобного протеста может быть кратко резюмирована в том, что

⁹⁹ Dahl R. A. The Behavioral Approach in Political Science: Epitaph for a Monument to a Successful Protest // The American Political Science Review. – 1961. – Vol. 55. – No. 4 (December). – P. 765.

приверженность философским и историческим теоретическим догматам в значительной степени ограничивает возможности прогресса академической науки. По определению Даля, бихевиоральный подход к исследованию политики может быть охарактеризован как «попытка улучшения нашего понимания и объяснения фактических аспектов политической жизни посредством методов, теорий и критериев проверки, которые соответствуют законам, традициям и посылкам современной эмпирической науки».¹⁰⁰ Как отмечает Джон Бонд, «бихевиоральное исследование политики инкорпорировало в себя базовые элементы научного метода».¹⁰¹ В определенном смысле бихевиорализм был кульминационным моментом процесса сциентификации, поскольку именно в программе бихевиорализма впервые были сформулированы основные постулаты, подчеркивающие позитивистский характер нового направления. Это (1) выявление универсальных законов и обнаружение каузальных закономерностей, (2) провозглашение натуралистической модели наук в качестве эталонной, (3) пригодность для верификации, (4) использование специализированных научных процедур, (5) претензия на статус абсолютного и завершенного знания, (6) необходимость дифференциации дескриптивных и прескриптивных утверждений. Согласно Дэвиду Истону, «бихевиоралистский этап – это одна из ключевых трансформаций в истории американской политической науки».¹⁰² И именно Истоном были сформулированы базовые принципы нового направления.

В первую очередь, фундаментальная предпосылка бихевиорализма сводится к представлению о том, что в политическом поведении могут быть выявлены некие устойчивые универсальные единообразия и закономерности. Более того, на основании обнаруженных закономерностей могут быть выработаны обобщения и созданы теории, имеющие предиктивную силу. При

¹⁰⁰ Там же. С. 767.

¹⁰¹ *Bond J. R.* The Scientification of the Study of Politics. Some Observations on the Behavioral Evolution in Political Science // *The Journal of Politics*. – 2007. – Vol. 69. – No. 4 (November). – P. 899.

¹⁰² *Easton D.* Political Science in the United States: Past and Present // *International Political Science Review*. – 1985. – Vol. 6. – No. 2. – P. 137.

этом «обоснованность подобного рода обобщений должна быть пригодной для эмпирической верификации».¹⁰³

Во-вторых, бихевиоральное исследование предполагает создание и внедрение более совершенных методологических приемов, процедур и соответствующих техник для сбора и интерпретации данных.¹⁰⁴ В дополнение к данному тезису, большое значение, в рамках бихевиоральной методологии, придается возможности проведения процедуры квантификации, что, естественным образом, предполагает, что большая часть исследуемых феноменов должны быть измеримыми, и поддающимися количественному выражению и оценке.¹⁰⁵

В-третьих, важнейшим в поведенческом подходе провозглашается принцип разделение факта и ценности.¹⁰⁶ В виду того, что ценности не могут быть ни рационально обоснованы, ни эмпирически доказаны или, напротив опровергнуты, они должны быть элиминированы из научного рассмотрения.

В-четвертых, в рамках бихевиоралистского исследования, подразумевается трансформация традиционного представления о содержании и структуре теории, которая состоит в попытке создания более систематизированной и эмпирически-ориентированной теории. При этом, поскольку «понимание и объяснение политического поведения должно логически предшествовать его практическому применению»¹⁰⁷, генерация фундаментального знания по-прежнему остается превалирующей над его прикладным значением.

Несмотря на то, что наиболее значимые достижения бихевиорализма были глубоко инкорпорированы в то, что конституирует современную политическую науку, доминирование поведенческого подхода не было продолжительным в ней. Роберт Даль был одним из тех, кто дал предельно

¹⁰³ Easton D. A Framework for Political Analysis. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1965. – P. 7.

¹⁰⁴ Там же. С. 7.

¹⁰⁵ Там же. С. 7.

¹⁰⁶ Там же. С. 7.

¹⁰⁷ Там же. С. 7.

точный прогноз относительно будущего бихевиорализма, заявив, что «триумф бихевиорализма неизбежно приведет к его упадку». ¹⁰⁸

В определенном смысле, небезуспешность бихевиоральной революции не могла не вызвать противодействия в рамках американской политологии, для которой внутренне присуще состояние перманентной академической полемики, и в этом смысле, «упадок» бихевиорализма явился своего рода источником для новых размышлений о сущности и природе политической науки. В качестве наиболее известного примера сопротивления бихевиоралистскому направлению следует упомянуть создание в 1967 году в Американской ассоциации политической науки «Движения за новую политическую науку» («The Caucus for the New Political Science»), призванного «сделать изучение политики релевантным в борьбе за лучший мир». ¹⁰⁹ Критическая направленность нового движения была выражена не только в том, что его сторонники подвергли сомнению интеллектуальные достижения бихевиорализма, но и в оппозиционной по отношению к «мейнстримной» политической науке риторике и объявлении протеста не только против гегемонии бихевиорального направления, но и против APSA, активно поддерживающей подобную гегемонию. ¹¹⁰ Иными словами, «Движение за новую политическую науку» в большей степени было направлено не против бихевиорализма как такового, а против той ситуации, когда модная на определенном этапе теория или методология становятся доминирующими. По мнению Теодора Лоуи, деятельность «Движения за новую политическую науку» фактически оказалась даже более революционной, поскольку, в отличие от бихевиорализма, разработанная CNPS ¹¹¹ программа по переориентации

¹⁰⁸ Dahl R. A. The Behavioral Approach in Political Science: Epitaph for a Monument to a Successful Protest // The American Political Science Review. – 1961. – Vol. 55. – No. 4 (December). – P. 770.

¹⁰⁹ Boryczka J.M., Disney J.L. What is “New” About New Political Science? // New Political Science. – 2017. – Vol. 39. – No. 4. – P. 431.

¹¹⁰ Barrow C. The Political and Intellectual Origins of New Political Science // New Political Science. – 2008. – Vol. 30. – No. 2. – P. 235.

¹¹¹ CNPS (аббревиатура «The Caucus for the New Political Science») – «Движение за новую политическую науку».

дисциплины, получила институциональное оформление в рамках APSA, удостоившись статуса первой официальной «организационной секции».¹¹²

Претензии, сформулированные в рамках CNPS, были, прежде всего, сосредоточены вокруг предполагаемой нейтральности бихевиоральной политической науки и ее академической отрешенности от наиболее острых политических тем. По замечанию Лоуи, «среди многих членов движения преобладающей позицией было мнение о том, что политическая наука должна быть осуждена за то, что она предпочитает стоять в стороне от войны и дискриминации и выражает нежелание участвовать в важных социальных изменениях».¹¹³ Разграничение фактов и ценностей, аналогичным образом, явилось одним из пунктов критики со стороны CNPS. Многие представители нового движения высказывали предположение о том, что «нейтралитет, преобладающий в политической науке, в конечном счете, сводился к корпоративной приверженности, которая нуждается в разоблачении».¹¹⁴

Тем не менее, даже после того, как бихевиоральное направление утратило свое доминирующее положение, позитивистская ориентация американской политологии сохранила свое прежнее значение и выразилась в разработке формальных, преимущественно экономических, теорий к анализу политики. Одной из таких теоретических перспектив стала теория рационального выбора, которая примерно с середины XX века начинает приобретать влияние среди политических ученых. Модель рационального выбора была воспринята как многообещающая стратегия объяснения коллективного поведения в качестве совокупного результата индивидуальных решений не только участников экономического рынка, а именно потребителей и производителей, но и «политического рынка», соответственно, граждан и политиков. Кеннет Эрроу подчеркивает, что проведение аналогии между рыночным механизмом и голосованием, между экономическим и политическим выбором,

¹¹² Lowi T.J. The Politization of Political Science // American Politics Quarterly. – 1973. – Vol. 1. – No. 1 (January). – P. 44.

¹¹³ Там же. С. 46.

¹¹⁴ Там же. С. 47.

обосновывается тем, что оба представляют собой «коллективный выбор из ограниченного числа альтернатив».¹¹⁵

Привлекательность теории рационального выбора для «позитивистской» политической науки была обусловлена, прежде всего, перспективой квантификации эмпирических данных, получаемых из политической жизни, и облечения их в лаконичные математические формулы. Кристен Рэнвик Монро полагает, что «к 1970-м годам теория рационального выбора превратилась в одну из доминирующих парадигм политической науки именно потому, что она предлагала пронизательные, строгие и экономические объяснения процесса принятия решений в сфере политики».¹¹⁶

В первую очередь, стоит отметить, что аналогично бихевиоральному подходу, в теории рационального выбора за фундаментальную единицу исследования принимается поведение отдельного субъекта. Второй исходной предпосылкой данной теории является представление о рациональности индивида, которая проявляется в том, что принятие им того или иного решения всегда проистекает из его частного интереса и представляет собой результат осознанного выбора.¹¹⁷ Монро кратко резюмирует некоторые базовые положения, лежащие в основе теории рационального выбора: (1) Все акторы преследуют конкретные цели; (2) подобные цели являются отражением индивидуального интереса; (3) то или иное поведение является результатом сознательного выбора; (4) индивид рассматривается в качестве основного действующего лица; (5) все субъекты обладают системой стабильных последовательных предпочтений; (6) из нескольких возможных вариантов, субъекты всегда выбирают альтернативу с наибольшей ожидаемой полезностью; (7) субъекты обладают достаточной информацией как о доступных альтернативах, так и возможных последствиях своего выбора.¹¹⁸

¹¹⁵ Эпроу К. Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности // М.: ГУ ВШЭ, 2004. – С. 9.

¹¹⁶ Monroe K. Paradigm Shift: from Rational Choice to Perspective // International Political Science Review. – 2001. – Vol. 22. – No. 2. – P. 153.

¹¹⁷ Там же. С. 153.

¹¹⁸ Там же. С. 153.

Монро подчеркивает, что с течением времени понимание сути теории рационального выбора свелось, фактически, к узкому представлению о том, что рациональное поведение есть не что иное, как погоня за материальным интересом.¹¹⁹ Более эффективной альтернативой, по ее мнению, явилось представление об ограниченной рациональности, при которой основное внимание акцентируется не на конечном результате, а на самом процессе принятия решения и его когнитивных составляющих, а также, в дополнение к конкретной внешней ситуации, учитываются история, культура и контекст.¹²⁰ Монро считает, что потенциал теории рационального выбора ограничен, поскольку «она пригодна для анализа только определенных видов политических феноменов».¹²¹ Грэгори Казса полагает, что, «за исключением редких случаев, политическое действие реальных людей не может быть проанализировано с позиции рационального выбора и, тем более выражено в сравнительно строгих теоретических формулировках».¹²²

Однако до сих пор сохраняющееся доминирование данной теории может быть обусловлено фактом отсутствия альтернативной, более удовлетворительной теории для анализа политических решений.¹²³ Тем не менее, постулаты теории рационального выбора, аналогично бихевиоральному направлению, были подвергнуты критическому рассмотрению. Недовольство гегемонией формальных, преимущественно математизированных методологических подходов явилось одним из стимулов для формирования в 2000 году нового в рамках американской политической науки Движения «Perestroika». По определению Грэгори Казсы, «Perestroika» представляет собой «реакцию, направленную против политических ученых, которые пытаются сделать политическую науку поистине «hard science»¹²⁴ и выражают стремление к достижению консенсуса относительно гносеологических и методологических

¹¹⁹ Там же. С. 153.

¹²⁰ Там же. С. 154.

¹²¹ Там же. С. 155.

¹²² Kazsa G. Perestroika: For an Ecumenical Science of Politics // Ps: Political Science and Politics. - 2001. - Vol. 34. - No. 3. - P. 597.

¹²³ Там же. С. 597.

¹²⁴ «Hard science» (англ.) – «жесткая», строгая наука.

проблем».¹²⁵ При этом, что примечательно, «Perestroika» в принципе выступает против любого доминирования как количественных, так и качественных подходов, тем самым не претендуя ни на окончательное устранение господства позитивистской модели, ни на установление «новой ортодоксии» в рамках дисциплины.¹²⁶ Аргументация, направленная против гегемонии «hard science», сводится к следующим тезисам: (1) доминирование той или иной перспективы подрывает академическую свободу; (2) обучение в духе «hard science» фактически не имеет отношения ни к нормативным, ни к прикладным вопросам практической политики. Казса резюмирует последствия доминирования «строгой науки», заявляя, что «узкий техницизм становится главным критерием для оценки исследований. Большее значение придается не совершенствованию нашего понимания политики, но тому, насколько это понимание вписывается в нынешнюю теоретическую и методологическую схему».¹²⁷

Анализ этапов истории развития американской политической науки демонстрирует, что все новое и прогрессивное создается посредством критики или радикального неприятия традиционного. Лоуи полагает, что история политической науки, в определенном смысле, циклична. Он резюмирует, что «продвижение нового подхода в политической науке зачастую отталкивается от полемики с установившимся каноном и представляет собой своеобразное отклонение от него».¹²⁸ Аналогично Драйзек замечает, что американская политология эволюционировала именно через критику предшествующей парадигмы, которая впоследствии становилась основой нового направления в рамках дисциплины.¹²⁹

¹²⁵ Kazsa G. Perestroika: For an Ecumenical Science of Politics // Ps: Political Science and Politics. - 2001. - Vol. 34. - No. 3. - P. 597.

¹²⁶ Там же. С. 597.

¹²⁷ Там же. С. 597.

¹²⁸ Lowi T.J. Politics in Motion: A Personal History of Political Science // New Political Science. - 2011. - Vol. 33. - No. 1. - P. 60.

¹²⁹ Dryzek J.S. Revolutions without Enemies: Key Transformations in Political Science // The American Political Science Review. - 2006. - Vol. 100. - No. 4 (November). - P. 490.

Глава 2. Критический анализ процесса сциентификации американской политической науки

2.1 Оценка бихевиоральной революции и основные пункты ее критики

Если рассматривать некоторые оценки феномена бихевиорализма в истории американской политической науки, то в этом отношении невозможно не обратиться к упоминанию несколько противоречивого, но довольно нетривиального мнения, высказанного Джоном Драйзеком в его статье «Revolutions Without Enemies: Key Transformations in Political Science». Драйзек полагает, что успешность бихевиоральной революции состояла в том, что ей удалось избежать сопротивления со стороны «мейнстримной» политической науки, и, поэтому, ей лишь с очень большим допущением может быть приписан статус подлинной революции.¹³⁰

Аналогично этому, Джон Ганнелл, объясняет, что, с точки зрения концепции Томаса Куна, поведенческая революция не может рассматриваться в качестве подлинной парадигматической революции. По мнению Ганнелла, бихевиорализм представляет собой скорее реформацию, нежели революцию.¹³¹ И Драйзек, и Ганнелл склонны полагать, что единственной настоящей революцией в длительной истории американской политической науки была вовсе не бихевиоральная, а плюралистическая революция 1920-х, заключающаяся в переходе от этатистского видения к анализу политики в плюралистической перспективе. По словам Ганнелла, «данная революция состояла в фундаментальной трансформации не столько исследовательских методов, сколько того, что считалось самым «материалом» политики».¹³²

¹³⁰ Dryzek J. S. *Revolutions without Enemies: Key Transformations in Political Science* // *The American Political Science Review*. - 2006. - Vol. 100. - No. 4 (November). - P. 487.

¹³¹ Gunnell J. *The Real Revolution in Political Science* // *PS: Political Science and Politics*. - 2004. - Vol. 37. - No. 1. (January). - P. 47.

¹³² Там же. С. 48.

Исходя из подобной логики рассуждения, следует резюмировать, что если плюралистическое интерпретация политики является важнейшей теоретической новацией, то достижение поведенческого подхода в значительной степени состоит в полной модификации методологии политического анализа. Однако предположение относительно фиктивной революционности бихевиорального движения кажется несколько несостоятельным, если учитывать обширный пласт критики, обрушившейся на бихевиоралистское направление вскоре после его «триумфа», в особенности, со стороны штрауссианцев и Движения за новую политическую науку.

В принципе, и постбихевиоралистская риторика, аналогично, была направлена на анализ слабых сторон бихевиоральной методологии. Примечательно, что Дэвид Истон, один из основоположников поведенческого направления, в президентском послании APSA, выступая с достаточно беспристрастной критикой своих собственных, когда-то сформулированных им бихевиоралистских тезисов вынужден был признать, несостоятельность бихевиорального подхода как непригодного ни для адекватного объяснения человеческого поведения, ни, тем более, для его прогнозирования.¹³³

В первую очередь, наиболее серьезному разбору было подвергнуто интеллектуальное стремление приверженцев бихевиорализма к генерации все более новых, более сложных, более совершенных методологий. Бесспорно, в определенном смысле подобное стремление к непрерывному улучшению аналитического инструментария заслуживает скорее признания, нежели порицания, но только при условии, что оно не приобретает статус самостоятельной цели. Например, Клайд Барроу характеризует присущую бихевиоралистам неумеренную одержимость разработкой методов в качестве «методологического экстремизма».¹³⁴ При этом еще одним негативным следствием приоритетного положения метода является склонность многих

¹³³ *Easton D.* The New Revolution in Political Science // *The American Political Science Review*. – 1969. - Vol. 63. - No. 4 (December). – P. 1052.

¹³⁴ *Barrow C.* The Political and Intellectual Origins of New Political Science // *New Political Science*. – 2008. – Vol. 30. – No. 2. – P. 5.

исследователей к использованию либо многократно апробированных методов, то есть методов, которыми они овладели в той или иной степени, либо к применению тех методов, которые пригодны для препарирования только определенного типа фактов. В отношении подобной проблемы Истон заявляя, что «содержание должно предшествовать технике»¹³⁵, безусловно, отдает приоритет сущностному аспекту политологического исследования, а не его методологической точности.

Во-вторых, бихевиорализм был обвинен в его приверженности «эмпирическому консерватизму».¹³⁶ Конфликт между нормативным и дескриптивным подходами к анализу политической действительности стал одним из основных пунктов полемики между политологами-традиционалистами и бихевиоралистами, тем самым предопределив базовую характеристику поведенческой парадигмы – смещение фокуса исследования с создания теоретических моделей политических феноменов и их нормативных интерпретаций на более реалистичный анализ уже имеющихся в наличии фактов, то есть доступных эмпирически.

Однако подобная, доведенная до крайности эмпирическая ориентированность бихевиоралистского исследования по сути сводит его к коллекционированию многочисленных, зачастую не связанных между собой фактов, и порождает феномен «гиперфактуализма».¹³⁷ Более того, негативным последствием предельно строгого соответствия бихевиорального подхода требованию квантификации явилось то, что исследование ограничивалось только теми политическими феноменами, которые тем или иным образом могут быть количественно измерены, а вовсе не тех, которые являются теоретически и практически важными, и в этом смысле бихевиоралистское исследование политики склонно к отбору исключительно тех фактов, которые легко

¹³⁵ *Easton D.* The New Revolution in Political Science // *The American Political Science Review*. – 1969. - Vol. 63. - No. 4 (December). – P. 1052.

¹³⁶ Там же. С. 1052.

¹³⁷ *Dryzek J. S.* Revolutions without Enemies: Key Transformations in Political Science // *The American Political Science Review*. - 2006. - Vol. 100. – No. 4 (November). – P. 489.

поддаются квантификации, и игнорированию тех фактов, которые ей не поддаются.

В-третьих, по словам Истона, «бихевиоральное исследование утрачивает связь с реальностью».¹³⁸ Истон, характеризуя политическое знание, продуцируемое в ходе бихевиоралистского исследования как оторванное от действительности, нерелевантное по отношению к текущей политической ситуации, порицает поведенческий подход за недостаток реализма. Правомерность подобного замечания неоспорима, однако научное объяснение в принципе склонно порождать нереалистичную интерпретацию изучаемых явлений, поскольку, как справедливо замечает Истон, «по своей природе наука имеет дело с абстракциями»¹³⁹, иными словами, наука не есть зеркальное отражение действительности, наука - это лишь один из способов интерпретации этой действительности в соответствии с определенными принципами и критериями.

В-четвертых, Истон ратует за возвращение к точке зрения о значимости нормативного анализа. Истон, заявляя, что «наука не может быть и никогда не была нейтральна в своих оценках»¹⁴⁰, тем самым подчеркивает, что ценности, идеалы и нормы составляют очень важную часть политического анализа и не могут быть изъяты из научного дискурса. По замечанию Мелиссы Лэйн, «в то время как политические ученые настаивали на строгом позитивистском различии между фактом и ценностью, они, однако, некритически ориентировали свои исследования в направлении к принятым фундаментальным американским ценностям равенства и демократии».¹⁴¹ Иными словами, бихевиоралисты, провозгласив новую политическую науку в качестве науки, исследующей преимущественно демократию, вынуждены были нарушить изначально принятую ими же самими дихотомию «факты /

¹³⁸ *Easton D.* The New Revolution in Political Science // *The American Political Science Review*. – 1969. - Vol. 63. - No. 4 (December). – P. 1052.

¹³⁹ Там же. С. 1054.

¹⁴⁰ Там же. С. 1052.

¹⁴¹ *Lane M.* Positivism: Reactions and Developments // *The Cambridge History of Twentieth Century Political Thought* / Ed. by T. Ball, R. Bellamy. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. – P. 340.

ценности». Таким образом, новые политические ученые были вынуждены признать, что «их взгляды, относящиеся к технической экспертизе и нормативной нейтральности, фактически препятствовали научному обоснованию той или иной ценностной системы, в том числе и демократии».¹⁴² По словам Джеймса Фарра, подобное упущение, в конечном счете, способствовало постановке вопроса о том, каким образом возможно «примирить ценности демократии с данными науки».¹⁴³

Один из представителей политических ученых, беспрекословно преданных идее классической политической науки и ее философским основаниям, Лео Штраус обозначает свою негативную позицию и обличает последствия сциентификации политического знания, противопоставляя «новую» политическую науку и «старой», под которой он подразумевает аристотелевскую политическую науку. Тем не менее, Штраус вовсе не отрицает того, что «принципиально новая политическая ситуация требует принципиально новой политической науки».¹⁴⁴ Наиболее значимые элементы критики Штрауса по отношению к принципам новой политической науки и бихевиоралистского направления состоят в следующем:

(1) Согласно Штраусу, основанием новой политической науки является представление о том, что только строго научное знание может быть интерпретировано как подлинно научное. В то же время, так как философское знание по своей природе неотделимо от субъективных элементов, и, следовательно, не является строго научным, оно не может быть составным элементом новой политической науки. Штраус считает подобный аргумент несостоятельным, поскольку «политическая наука поддерживается истиной обыденного знания о политических вещах».¹⁴⁵

¹⁴² *Farr J.* The New Science of Politics // *The Cambridge History of Twentieth Century Political Thought* / Ed. by T. Ball, R. Bellamy. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. – P. 439.

¹⁴³ Там же. С. 439.

¹⁴⁴ *Штраус Л.* Введение в политическую философию. – Пер. с англ. М. Фетисова. – М.: Логос, Праксис, 2000. – С. 143.

¹⁴⁵ Там же. С. 146.

(2) Штраус заявляет, что новая политическая наука в своей попытке разорвать связь с донаучной политической мыслью, а, следовательно, и со здравым смыслом, «успешно восприняла критерии точности, при этом проигнорировав критерии уместности»¹⁴⁶, то есть способность разумно дифференцировать приоритетные и второстепенные политические вопросы. По мнению Штрауса, именно апелляция новой политической науки к здравому смыслу могла бы оградить её от изучения нерелевантных проблем.¹⁴⁷

(3) Согласно Штраусу, моральный релятивизм «новой политической науки» явился следствием различения фактических данных и оценочных суждений.¹⁴⁸ Более того, исключая категорию ценностей из научного анализа, представители «новой политической науки» выразили, таким образом, предположение о возможности существования деидеологизированного общества¹⁴⁹, в котором ни одна из всех предполагаемых ценностей не рассматривается в качестве приоритетной. Однако, как утверждает Штраус, уравнивание традиционных систем ценностей привело к тому, что «новая политическая наука, по сути, отказалась от идеи коллективного блага, то есть от возможности создания хорошего общества».¹⁵⁰

(4) По замечанию Штрауса, теоретические и концептуальные достижения «новой политической науки» были незначительными, иными словами, новая политическая наука не привнесла ничего существенного и уникального в корпус политического знания.¹⁵¹ Более того, бихевиоральное исследование политики, исходя из рассуждений Штрауса, в значительной мере лишено той степени критичности, которая свойственна классической политической науке, и характеризуется некоторой поверхностностью и упрощенностью в том, что касается понимания «естественных целей человека».¹⁵²

¹⁴⁶ Там же. С. 149-150.

¹⁴⁷ Там же. С. 151.

¹⁴⁸ Там же. С. 158.

¹⁴⁹ Там же. С. 158.

¹⁵⁰ Там же. С. 158.

¹⁵¹ Там же. С. 143.

¹⁵² Там же. С. 141.

Критика бихевиорализма, выявляющая его наиболее противоречивые положения, была также выражена в работе одного из представителей движения «The Caucus for the New Political Science» Кристиана Бэя. В его эссе «Politics and Pseudopolitics: a Critical Evaluation of Some Behavioral Literature» главные пункты критики бихевиоральной политической науки сводятся к ее порицанию в (1) аполитичности; (2) консервативной ориентации и апологетике существующего политического и социального порядка; (3) признании и поддержке доминирующей либеральной идеологии.

Во-первых, бихевиорализм был обвинен в том, что не он имел ничего общего с исследованием собственно политического. Согласно Бэю, «бихевиоральное исследование вполне соответствует канону формальной рациональности, но при этом игнорирует канон сущностной рациональности».¹⁵³ Таким образом, Бэй порицает бихевиорализм, усматривая в нем оттенки «псевдополитичности» и даже «антиполитичности». Бэй критикует бихевиорализм посредством противопоставления политики и ее фикции – псевдополитики. Согласно Бэю, бихевиоралистское исследование в большей степени направлено на исследование не реальной, а фиктивной политики, или «псевдополитики». В формальной дефиниции, которую предлагает Бэй, под «псевдополитикой» подразумевается «деятельность, лишь номинально схожую с политической, но фактически связанную с продвижением частного интереса».¹⁵⁴ Иными словами, феномен «псевдополитики» состоит в дискредитации самой идеи политики и в преобразовании ее в инструмент для преследования чисто индивидуальных, а не коллективных целей. Бэй заявляет, что «антиполитическим является предположением о том, что политика, или во всяком случае, американская политика, должна быть системой сражений между конкурирующими частными интересами, а не ареной борьбы за более гуманное и рационально организованное общество».¹⁵⁵ Таким образом, в позиции Бэя

¹⁵³ Bay C. Politics and Pseudopolitics: a Critical Evaluation of Some Behavioral Literature // The American Political Science Review. - 1965. - Vol. 59. - No.1 (March). - P. 41.

¹⁵⁴ Там же. С. 40.

¹⁵⁵ Там же. С. 44.

прослеживается несколько идеалистическое представление о том, что и политика, и подлинная политическая наука должны апеллировать к исключительно благородным целям, поскольку пренебрежение определенными идеалами может в серьезной степени исказить как идею самой политики, так и первоначальный смысл политической науки.

Во-вторых, Вау весьма иронично подчеркивает свойственную многим бихевиоралистам неловкую попытку «усидеть на двух стульях», которая выражается, с одной стороны, в призыве беспощадно игнорировать те или иные ценностные суждения, а с другой стороны, в явной нормативной приверженности ценностям демократии. Бэй подчеркивает, что «весьма парадоксально, что некоторые из бихевиоралистов, продолжают писать о демократии таким образом, чтобы одновременно оставаться строго нейтральными по отношению к ценностям и в то же время отстаивать идею традиционной плюралистической демократии».¹⁵⁶

Более того, по мнению Бэя, «декларируемая нейтральность бихевиорального исследования представляет собой попытку закамouflировать собственные ценностные убеждения».¹⁵⁷ Действительно, несмотря на многочисленные заверения о предполагаемой ценностной нейтральности политических ученых, они так или иначе были преданы строго определенной идеологии, что естественно предполагало принятие / непринятие тех или иных политических идеалов. При этом даже в работах тех ученых, которые предпочитают не акцентировать внимание на собственной идеологической позиции, можно усмотреть латентную приверженность тем или иным ценностям.

По словам Бэя, «во многих примерах бихевиоральной литературы существует явное или неявное подтверждение эффективности американской демократии, но при этом отсутствует формулирование однозначных критериев,

¹⁵⁶ Там же. С. 42.

¹⁵⁷ Там же. С. 42.

на которых основывается подобное суждение».¹⁵⁸ Бэй полагает, что, поскольку почти все существующие идеологии равны в своем отстаивании идеи достижения лучшей жизни для общества, политическая наука не в праве выделять или отдавать предпочтение ни одной из них, поскольку «превосходство демократии над другими формами правления не может быть обосновано ни рационально, то есть только на основании некоторых теоретических доводов, ни эмпирически».¹⁵⁹ В этом смысле «правильная» политическая наука, претендующая на объективность, так или иначе, должна быть в каком-то смысле деидеологизированной.

Стоит резюмировать, что бихевиоралистская политическая наука, ранее так отчаянно критиковавшая классическую политическую науку за ее консерватизм, позднее, по замечанию как самих бихевиоралистов, так и их оппонентов, сама не смогла избежать превращения в ортодоксальную, совершенно негибкую и невосприимчивую к новым веяниям, тенденциям и альтернативным подходам. В этом смысле, бихевиорализм был довольно радикальной стратегией преобразования дисциплины, характеризующейся созданием нового посредством девальвации предыдущих интеллектуальных достижений, в данном случае, через отрицание научной состоятельности нормативной политической теории. Тем не менее, какими бы противоречивыми ни были оценки бихевиоральной революции, тем не менее, невозможно отрицать те существенные достижения, которые были привнесены в содержание и структуру политической науки благодаря усилиям бихевиоралистов.

¹⁵⁸ Там же. С. 44.

¹⁵⁹ Там же. С. 44.

2.2 Проблемы и противоречия американской политической науки

Несмотря на все реальные достижения сциентификации, существует необходимость подвергнуть детальному анализу те теоретические и методологические проблемы, которые до сих пор являются предметом академической дискуссии в американской политической науке. Разъяснение сущности подобных дилемм является одной из первичных задач на пути устранения ограничений, которые замедляют процесс интеллектуального развития дисциплины.

1. Неприменимость натуралистической модели к исследованию политики

Прежде всего, одним из базовых элементов сциентификации является преобладание натуралистической перспективы. Тем не менее, многочисленные попытки импортировать принципы и процедуры «нормальной» науки и применить их к изучению политических феноменов, к сожалению, потерпели неудачу. Политические ученые вынуждены были признать, что не способны конкурировать учеными естественных и точных наук и их впечатляющими успехами в управлении и контроле над объектами своего исследования.¹⁶⁰

Бернард Крик весьма скептически относится к дифференциации естественных и социальных наук по степени научности, считая подобную дихотомию искусственной и заявляя, что «на самом деле не существует «сильной» и «слабой», «точной» или «неточной» науки».¹⁶¹ При этом он выделяет три распространенные точки зрения, которые существуют относительно данной проблемы. При этом Крик подчеркивает, что некоторые авторы могут быть одновременно привержены не одной определенной позиции, а нескольким альтернативным. Во-первых, некоторые авторы полагают, отмечает он, что «основное различие между естественными и социальными

¹⁶⁰ Oren I. Can Political Science Emulate the Natural Sciences? The Problem of Self-Disconfirming Analysis // Polity. – 2006. – Vol. 38. – No. 1 (January). – P. 72.

¹⁶¹ Crick B. The American Science of Politics: Its Origins and Conditions // London and New York: Routledge, 1959. – P. 217.

науками состоит не в используемых методах, а в степени вероятности их законов». Во-вторых, некоторые авторы утверждают, что «в социальных науках существует возможность продуцировать такие законы, которые по степени точности могут быть сопоставимы с физическими законами». В-третьих, некоторые авторы в большей степени склоняются к тому, что «экспериментальная верификация является единственным способом достижения истины в той или иной науке, и, если социальная наука соответствует требованию верификации, она вполне может претендовать на подлинную научность».¹⁶²

Марк Бевир и Джейсон Блэйкли аналогичным образом подвергают тщательному разбору суть полемики между натуралистами и антинатуралистами. Натуралисты исходят из представления о том, что социальные науки могут быть смоделированы по типу естественных наук, в то время как антинатуралисты, напротив, выражают скепсис относительно реализации подобной перспективы применительно к социальному исследованию, и склонны полагать, что «исследование политической действительности подобно интерпретации текстов и требует иных форм объяснения, отличных от тех, которые приняты в естествознании».¹⁶³

Стоит обратиться к вопросу о том, по какой причине именно натуралистическая модель науки является образцом для подражания в политологии. Привлекательность натуралистической модели науки для социальных наук обусловлена тем, что естественнонаучное исследование направлено прежде всего на выявление внеисторических, универсальных причинно-следственных связей и законов.¹⁶⁴ В области человеческого действия, напротив, причинно-следственные связи зачастую бывают нарушены, а, следовательно, для социального знания обнаружение стабильных законов является практически нереализуемой задачей. Поэтому Бевир и Блэйкли

¹⁶² Там же. С. 217.

¹⁶³ *Bevir M., Blakely J.* Why Political Science is an Ethical Issue // *Political Studies*. – 2018. – Vol. 66. – No. 2. – P. 3.

¹⁶⁴ Там же. С. 3.

склонны полагать, что «социальные дисциплины, исходя из их содержания и логики, скорее могут быть отнесены к разделу исторических наук».¹⁶⁵ Позиция Бевира и Блэйкли состоит в отрицании того, что натурализм и антинатурализм могут быть каким-либо образом синтезированы в некую единую доктрину. При этом вовсе не исключается возможность использования «позитивистских» методов в социальных науках, естественно, при условии их уместности применительно к конкретному исследованию.¹⁶⁶

Анализируя причины провала американской политической науки в осуществлении натуралистических стремлений, Идо Орен замечает, что в политической науке, в отличие от физических наук, наличие стабильного научного знания не обязательно подразумевает его неперенную практическую реализацию, в то время как естественные науки обладают материализованными результатами своего знания, которые представляют собой неоспоримые свидетельства прогресса естественнонаучных дисциплин.¹⁶⁷

Для объяснения того, почему американская политическая наука потерпела фиаско в своих натуралистических устремлениях, Орен апеллирует к фундаментальной разнице между естественными и социальными науками, которая состоит, во-первых, в тесной связи между целью и анализом и, во-вторых, в невозможности элиминировать из социального исследования ценностные предпосылки.¹⁶⁸ Например, в физических науках дифференциация факта и ценности не только теоретически валидна, но и постоянно наблюдаема эмпирически. В физических науках факты существуют вне зависимости от того, что кто-либо о них думает, в то время как в науках, которые фокусируются на исследовании человеческого поведения, в данном случае, в политической науке, подобных независимых и «нейтральных» фактов просто не существует. В социальных дисциплинах цель и анализ не могут быть отделены друг от

¹⁶⁵ Там же. С. 3.

¹⁶⁶ Там же. С. 3.

¹⁶⁷ *Oren I.* Can Political Science Emulate the Natural Sciences? The Problem of Self-Disconfirming Analysis // *Polity*. – 2006. – Vol. 38. – No. 1 (January). – P. 56.

¹⁶⁸ Там же. С. 57.

друга и, следовательно, представляют собой части единого процесса.¹⁶⁹ Продолжая критику единства научной доктрины, Орен отмечает еще одно фундаментальное различие между двумя типами наук, которое состоит в том, что объект социального научного исследования, а именно человеческое существо, в отличие от объекта естественнонаучного исследования, имеет способность постоянной саморефлексии. Именно эта саморефлексия делает индивидуальное поведение наиболее нестандартным, нерегулярным и непредсказуемым, вследствие чего в социальной жизни постоянно формируются новые закономерности, вытесняющие собой те, которые были зафиксированы ранее.¹⁷⁰

Бент Флибберг пытается ответить на два фундаментальных эпистемологических вопроса: (1) о самой возможности существования теории в социальной науке, и (2) о возможности существования унифицированной науки, иными словами, о том, могут ли социальная и политическая наука быть научными в том же самом смысле, в котором научным является исследование природных объектов. По утверждению Флибберга, социальная наука установила невозможную и непосильную задачу в своей попытке подражать естественным наукам и продуцировать объяснительную и предсказывающую теорию, которая является идеалом и отличительным признаком естественных наук.¹⁷¹

Более того, Флибберг делает предположение о том, что «бессмысленно говорить и о существовании теории в исследовании социальных феноменов, по крайней мере, в том смысле, в котором теория представлена в естественной науке».¹⁷² Подлинная теория обладает рядом отличительных характеристик, большинство из которых не может быть обнаружено в социальной науке. Флибберг полагает, что «эталонная» научная теория должна быть (1)

¹⁶⁹ Там же. С. 58.

¹⁷⁰ *Oren I.* Can Political Science Emulate the Natural Sciences? The Problem of Self-Disconfirming Analysis // *Polity*. – 2006. – Vol. 38. – No. 1 (January). – P. 80-81.

¹⁷¹ *Flyvbjerg B.* Making Social Science Matter: Why Social Inquiry Fails and How it Can Succeed Again // Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2001. – P.3.

¹⁷² Там же. С. 25.

эксплицитной; (2) универсальной, то есть применимой относительно к любому месту и любому времени; (3) абстрактной; (4) дискретной, то есть формулироваться посредством деконтекстуализированных элементов, а не человеческих интересов и традиций; (5) систематичной, то есть различные элементы теории должны быть связаны между собой посредством неких правил или законов; (6) предиктивной, то есть вырабатывать точные прогнозы.¹⁷³

Флиивберг заявляет, что несмотря на то, что социальные науки не имеют того типа теоретического и методологического успеха, который имеют естественные науки, оба типа этих наук совершенно некорректно сравнивать между собой, поскольку оба типа этих наук имеют соответствующие сильные и слабые стороны в принципиально различных измерениях. Например, по замечанию Флиивберга, «естественные науки, в отличие от социальных, не способны к рефлексивному анализу ценностей и интересов, который необходим в качестве условия для рассмотрения политического, экономического и культурного развития в любом обществе».¹⁷⁴ Иными словами, довольно некорректно слепо провозглашать эталонной моделью именно естественную науку, которая, в свою очередь, также не лишена специфических недостатков.

Во-первых, в физических науках существует многое из того, что не может претендовать на статус абсолютно истинного и окончательно подтвержденного. Во-вторых, не стоит переоценивать универсальность экспериментальной процедуры в естественнонаучном исследовании. Отнюдь не все исключительно природные явления могут быть научно смоделированы и тем более спрогнозированы. Более того, невозможность проведения контролируемого эксперимента – ограничение, характерное не только для политической науки, но и для всех социальных наук в принципе. В-третьих, не стоит питать иллюзии относительно того, что естественнонаучное знание свободно от этических вопросов.

¹⁷³ Там же. С. 38-39.

¹⁷⁴ Там же. С. 3.

Флиивберг обосновывает, почему естественнонаучная модель не может быть подходящим идеалом для исследования человеческой деятельности, приводя следующие аргументы.¹⁷⁵

Во-первых, идеал естественной науки не всегда представлен даже в самих естественных науках.¹⁷⁶ Методология, которая в высшей степени усовершенствована именно в естественнонаучном исследовании, это всего лишь ни что иное, как конкретная практическая рациональность. В этом смысле естественные науки также отличаются недостатком объективности, как и социальные науки.¹⁷⁷

Во-вторых, социальная наука не может быть сравнима с естественными по той простой причине, что социальная наука, по мнению Флиивберга, не может быть соотнесена с идеей Томаса Куна, касающейся «нормальной науки» как результата действия унифицированной парадигмы, поскольку социальная наука «не развивается через научные революции, как в случае с естественными науками»¹⁷⁸, а характеризуется наибольшей нестабильностью и, следовательно, «не может достичь такого же парадигматического состояния, который типичен для естественных наук»¹⁷⁹. Нестабильность развития социальной науки обусловлена нестабильностью объекта её исследования – человеческой деятельности, которая является более сложной и противоречивой, нежели объекты естественной природы. Более того, объектами социального исследования выступают мыслящие существа, которые одновременно являются и субъектами этого исследования.¹⁸⁰

В-третьих, естественнонаучная модель не может быть эталоном для социальной постольку, поскольку естественная наука базируется на теориях, преимущественно независимых от контекста, то есть продуцирует деконтекстуализированное знание, однако в случае с социальной наукой

¹⁷⁵ Там же. С. 27.

¹⁷⁶ Там же. С. 28.

¹⁷⁷ Там же. С. 29.

¹⁷⁸ Там же. С. 30.

¹⁷⁹ Там же. С. 30.

¹⁸⁰ Там же. С. 32.

контекст представляется крайне важным для правильного понимания человеческого действия.¹⁸¹ Именно контекст определяет специфику изучаемых феноменов¹⁸², из чего следует, что социальное знание не может быть сугубо абстрактным, строго объективным и деконтекстуализированным.

Очевидно, что довольно сомнительно полагать, что формальное заимствование и соблюдение принципов естественных наук само по себе может быть гарантией успешности их имплементации в политической науке. Возможно, более корректным было бы в принципе отвергнуть гегемонию натуралистической модели в социальных исследованиях или, по крайней мере, подвергнуть сомнению ее применимость и предположить, что критерии научности социальной научной дисциплины должны отличаться от тех критериев, которые приняты в естествознании, иными словами, критерии, в соответствии с которыми оценивается степень научности политической науки, должны быть зависимы не от критериев совершенно другого типа науки, а от специфики исследуемого предмета.

2. Конфронтация классической политической теории и новой политической науки

Еще одним прямым следствием процесса сциентификации дисциплины, явился конфликт между нормативной политической теорией и строгой политической наукой, который стал наиболее выраженным с момента бихевиоральной революции.¹⁸³

Теренс Болл детально анализирует причины, по которым продвижение «новой науки о политике» породило ситуацию усиления независимости политической теории и фактически привело к ее маргинализации и делает предположения относительно возможности достижения консенсуса между ними. Примечательно, что Болл акцентирует внимание, в том числе, и на

¹⁸¹ Там же. С. 40.

¹⁸² Там же. С. 47.

¹⁸³ Ball T. Political Theory and Political Science. Can This Marriage Be Saved? // Theoria: A Journal of Social and Political Theory. – 2007. - No. 113. - Political Theory and International Practice (August). – P. 3.

плодотворности данного конфликта как для самой политической теории, так и для ее оппонирующей стороны. По его словам, поскольку «политическая теория процветает на различного рода методологических, эпистемологических и концептуальных спорах», конфронтация между политической теорией и политической наукой в значительной степени обогащает содержание и той, и другой». ¹⁸⁴

Стремясь обособиться от своих теоретико-философских оснований, адепты новой политической науки выразили мнение, что «если политология стремится стать наукой, она должна отказаться от преданности пред-научной политической мысли», таким образом, провозгласив традиционную политическую теорию «ненаучной». Прежде всего, ненаучный характер политической теории бихевиоралисты склонны были обосновывать тем, что «политические теоретики в своих академических изысканиях очень редко соприкасаются с эмпирическими данными, и еще реже прибегают к использованию специализированных методов для анализа этих данных». В дополнение к этому, значительная часть критики была направлена на присущий политической теории историцизм. Апологеты «новой политологии» склонны были приписывать политической теории функцию изучения истории политической мысли, тем самым заявив, что в рамках классической политической теории существует тенденция ориентации на достижения предыдущей философской традиции и на ее утратившие актуальность концепции, т.е. на изучение прошлого, нежели настоящего. По этому поводу Истон отмечал, что «современная политическая теория склонна паразитировать на идеях столетней давности». ¹⁸⁵ Аналогичным образом, Джон Герринг и Джошуа Яснвитц полагают, что «работа теоретика зачастую сводится к

¹⁸⁴ Там же. С. 2.

¹⁸⁵ *Easton D.* Decline of Modern Political Theory // *The Journal of Politics*. – 1951. – Vol. 13. – No. 1 (February). – P. 36.

отслеживанию и интерпретации идей, представленных в источниках политико-философской мысли».¹⁸⁶

Вместе с тем, Дэвид Истон полагал, что традиционное представление о политической теории, пронизанной ценностями, при явном отсутствии фактологической основы, не имеет ничего общего с тем, чем является «теория» в действительности. Согласно Истону, «политическая теория имеет дело с двумя основными категориями знания: фактами и ценностями». Более того, структура теории, предлагаемая Истоном, содержит в себе разнообразие фактических, аксиологических, причинных и прикладных утверждений.¹⁸⁷

Тем не менее, Болл справедливо замечает, что даже несмотря на резкую критику в сторону традиционной теории, бихевиоралистская наука, вовсе не подвергала сомнению потенциал и значение концептуального анализа. Согласно Истону, основополагающей задачей политической теории должна быть систематизация уже накопленной эмпирической базы.¹⁸⁸ Иными словами, новые политологи призывали не к отказу от теории как таковой, а лишь к тому, чтобы сделать «теоретизирование о политике более современным и более научным».¹⁸⁹

3. Доминирование «методологизма»

Одним из очевидных следствий сциентификации явилось смещение акцента с сущностного содержания предмета политического науки к приоритетной разработке методологии научно-политического исследования. Согласно Эрику Фегелину, «провозглашение метода в качестве

¹⁸⁶ Gerring J., Yesnowitz J. A Normative Turn in Political Science? // Polity. – 2006. – Vol. 38. – No. 1 (January). – P. 105.

¹⁸⁷ Easton D. Decline of Modern Political Theory // The Journal of Politics. – 1951. – Vol. 13. – No. 1 (February). – P. 39.

¹⁸⁸ Там же. С. 37.

¹⁸⁹ Ball T. Political Theory and Political Science. Can This Marriage Be Saved? // Theoria: A Journal of Social and Political Theory. – 2007. – No. 113. – Political Theory and International Practice (August). – P. 3.

основополагающего критерия науки извращает истинные принципы самой науки в качестве достоверного объяснения действительности».¹⁹⁰

Уолин фокусируется на рассмотрении проблемы «методологизма» и его последствий для политической науки. «Методологизм», в дефиниции Уолина, представляет собой «убеждение в том, что продуцирование объективного научного политического знания, прежде всего, зависит от совершенствования специфических методов».¹⁹¹

Уолин определяет последствия такого «методологизма» посредством обнаружения им противоречия между методом и политической теорией. «Методологизм», или научный тип знания, представляет собой «поиск строгих формулировок, которые являются логически последовательными и эмпирически верифицируемыми», в то время как теоретическое политическое знание характеризуется непоследовательностью и противоречивостью, оно «склонно быть скорее наводящим и освещающим, нежели эксплицитным и определенным».¹⁹² Уолин подчеркивает, что методологическая истина отличается относительной независимостью от контекста, однако в случае с теоретической истиной контекст является крайне важным, поскольку истина соотносится скорее с тем, что политически значимо, нежели с тем, что поддается научной операционализации».¹⁹³

Несмотря на то, что методы, по сути, предполагают исключительно инструментальный и индифферентный к целям анализ политических явлений, «методы, по замечанию Уолина, отнюдь не являются нейтральными».¹⁹⁴ Владение теми или иными методами в значительной степени, влияет на то, каким образом исследователь воспринимает политический мир (88).¹⁹⁵ Следовательно, даже крайний, радикальный «методологизм», с его

¹⁹⁰ Voegelin E. The New Science of Politics: An Introduction // Chicago: University of Chicago Press, 1987. – P. 6.

¹⁹¹ Wolin S. S. Political Theory as a Vocation // The American Political Science Review. – 1969. – Vol. 63. – No. 4. – P. 1063.

¹⁹² Там же. С. 1070.

¹⁹³ Там же. С. 1071.

¹⁹⁴ Там же. С. 1064.

¹⁹⁵ Там же. С. 1064.

предполагаемой нейтральностью, не означает получение строго объективного представления об исследуемых феноменах.

Уолин полагает, что позитивистский акцент на методе ограничивает выбор исследовательской проблематики. По словам Уолина, формулирование вопросов, которые требуют научного рассмотрения так или иначе остается прерогативой нормативной политической теории. Более того, нормативная теория генерирует в том числе и критерии, в соответствии с которыми осуществляется анализ, интерпретация и критическая оценка фактов, отобранных для исследования.¹⁹⁶

Дополнительным следствием сциентификации проблематики «метода» было возникновение методологического спора между приверженцами количественных исследований, с их особым отношением к статистическому и математическому моделированию политических процессов, и сторонниками качественных подходов, предполагающих интерпретацию в качестве наиболее приемлемого подхода к исследованию политической реальности.¹⁹⁷ Как отмечают Брайан Катерино и Сэнфорд Шрэм, «подобное разделение, порожденное преимущественно бихевиоралистской наукой, играло не на пользу последнему, поскольку было акцентировано на превосходстве первого как наиболее приемлемого инструмента для подлинно «научной» политической науки».¹⁹⁸ Однако, стоит заметить, что и количественные, и качественные методологии имеют как очевидные достоинства, так и определенные ограничения. Количественные подходы ориентируются на продуцирование каузального объяснения, в то время как интерпретативные подходы хороши тем, что предоставляют лучшее понимание ценностных предпосылок и «смысла социальных явлений».¹⁹⁹

¹⁹⁶ Там же. С. 1073.

¹⁹⁷ *Bevir M., Blakely J.* Why Political Science Is an Ethical Issue // *Political Studies*. – 2018. – Vol. 66. – No. 2. – P. 2.

¹⁹⁸ *Making Political Science Matter. Debating Knowledge, Research and Method* / Ed. by B. Caterino, S. Schram. – New York and London: New York University Press, 2006. – P. 3.

¹⁹⁹ Там же. С. 3.

Состоятельность интерпретативного подхода к исследованию до сих пор является предметом научного спора. При этом зачастую суть интерпретации некорректно истолковывают как «некое изображение ситуации, без попытки какого-либо объяснения».²⁰⁰ Однако, по мнению Катерино и Шрэма, интерпретативная перспектива вправе претендовать на то, чтобы предоставлять не только описание, но объяснение.²⁰¹

По замечанию Бевира и Блэйкли, подобная полемика относительно того, какая методология в большей мере удовлетворяет целям политологического исследования, антипродуктивна. Бефир и Блэйкли ратуют за отказ от конфронтации между адептами различных типов методологий в пользу провозглашения методологического плюрализма. Бефир и Блэйкли постулируют, что «политологи имеют право выйти за рамки классической дихотомии количественных / качественных подходов и обращаться к использованию тех методов, применение которых адекватно их первоначальными исследовательскими целям».²⁰²

4. Соотношение фактов и ценностей

Одной из противоречивых характеристик чисто научного, позитивистского изучения политики следует обозначить четкое различие фактов и ценностей. Истон подмечает, что «в социальной науке до начала XX века практически не было сомнений в том, что изучение социальной жизни должно охватывать как факты, так и ценности».²⁰³ Принятие позитивистского образа науки и адаптации его к изучению политики естественным образом предполагали провозглашение морального нейтралитета и отказ от вынесения тех или иных прескриптивных суждений. В рамках бихевиоралистской политической науки, аналогичным образом, было заявлено об отказе от

²⁰⁰ Там же. С. 6.

²⁰¹ Там же. С. 6.

²⁰² *Bevir M., Blakely J. Why Political Science Is an Ethical Issue // Political Studies. – 2018. – Vol. 66. – No. 2. – P. 2.*

²⁰³ *Easton D. Shifting Images of Social Science and Values // The Antioch Review. – 1955. - Vol. 15. - No. 1. – P. 5.*

нормативизма, и о том, что «вынесение ценностных суждений находится вне компетенции ученых».²⁰⁴

По утверждению Эрика Фёгелина, понятие «ценностное суждение» бессмысленно само по себе; оно приобретает своё значение в зависимости от ситуации, в которой оно оказывает сопротивление суждениям, относящимся к фактам. Эта ситуация была создана позитивистами, чьё предположение состоит в том, что факты являются объективными, в то время как суждения, относящиеся к правильному порядку общества, являются субъективными. Только предположения первого типа можно считать научными, в то время как предположения второго типа выражают индивидуальные предпочтения, лишены объективной обоснованности, и, следовательно, непригодны для критической верификации.²⁰⁵ Более того, Фегелин резюмирует, что, когда этика и политика перестали пониматься как науки одного порядка, стало возможным рассматривать этические рассуждения в качестве субъективного и некритического мнения.²⁰⁶ Однако Фёгелин заявляет, что «ни предполагаемая свобода от ценностей, ни наличие критического метода в установлении фактов и каузальных связей не ликвидирует наличие релятивизма в политической науке».²⁰⁷

По замечанию Джона Герринга и Джошуа Ясновитца, «привлекательность позитивистского взгляда на науку в определенном смысле остается преобладающей, поскольку политические ученые продолжают настаивать на необходимости разграничения между двумя различными типами аргументов - описательными и оценочными».²⁰⁸ Более того, Герринг и Ясновитц совершенно верно подмечают, что «дихотомия «факты / ценности» отражена в дисциплинарных подразделениях политологии».²⁰⁹ Эмпирико-

²⁰⁴ Easton D. The New Revolution in Political Science // The American Political Science Review. – 1969. - Vol. 63. - No. 4 (December). – P. 1054.

²⁰⁵ Voegelin E. The New Science of Politics: An Introduction // Chicago: University of Chicago Press, 1987. – P. 13.

²⁰⁶ Там же. С. 13.

²⁰⁷ Там же. С. 13.

²⁰⁸ Gerring J., Yesnowitz J. A Normative Turn in Political Science? // Polity. – 2006. – Vol. 38. – No. 1 (January). – P. 104.

²⁰⁹ Там же. С. 102.

ориентированные исследования являются в большей степени методологически обоснованными и посвящены изучению конкретных фактов, в то время как нормативное теоретизирование сосредотачивается на философском анализе ценностных предпосылок и выработке предписаний.

Исключение ценностного дискурса из научного анализа, действительно, может быть оправдано, по крайней мере, тем, что нормативные положения по природе своей, не поддаются ни логическому обоснованию, ни эмпирической проверке. Таким образом, поскольку категория «ценности», в сущности, умозрительна и находится за пределами эмпирической сферы, различного рода ценности являются непригодными для элементарных научных процедур наблюдения и сравнения. Более того, по словам Истона, «в отличие от фактических положений, моральные суждения не могут быть идентифицированы в качестве истинных или ложных, но только в категориях «хорошего», или «плохого» качества».²¹⁰

Базовая причина того, почему абсолютная нейтральность недостижима, кроется в том, что сознание исследователя, как и в принципе любого индивида, не является *tabula rasa*, поэтому даже при условии декларируемой объективности ученые произвольно проецируют собственные моральные принципы и предубеждения на предмет научного анализа. В самом процессе выбора из всех возможных проблем исследования уже содержится элемент необъективности. И в этом отношении бесспорно, что наши индивидуальные ценности и представления о политическом оказывают косвенное влияние на то, что мы полагаем важным изучать и, соответственно, предмет нашего академического интереса в каком-то смысле соотносится не только с моральными, но и политическими приоритетами.

Герринг и Яснотц полагают, что принципиальная проблема, которая, по своей сути, является порождением отделения фактических утверждений от их

²¹⁰ Easton D. Shifting images of social science and values // The Antioch Review. – 1955. - Vol. 15. - No. 1. - P. 4.

критической оценки, является проблема нерелевантности.²¹¹ Значительная доля исследовательской работы в рамках современной политологии, не подразумевает за собой ни теоретической, ни практической значимости. Однако, несмотря на то, что формально подтверждается, что «современные политологические исследования характеризуются высокой методологической сложностью и корректностью получаемых выводов»²¹², тем не менее, конечные результаты подобных исследований зачастую не оказывают видимого влияния ни на совершенствование государственной политики, ни на улучшение условий жизни простых граждан.

Вторая проблема, которая является следствием установления дихотомии «факты / ценности», состоит в сложности, связанной с определением того, анализ каких именно политических вопросов представляется актуальным для науки в конкретный период. Отсутствие взаимозависимости между эмпирическим анализом и нормативной теорией ведет к ситуации, когда большая часть проблемных вопросов, которые имеют первостепенное значение, в принципе, отбрасывается и остается в стороне от научного рассмотрения.²¹³

Марк Бевир и Джейсон Блэйкли, аналогичным образом, подвергают сомнению состоятельность противопоставления фактов и ценностей, и полагают, что антипозитивистская ориентация, в виду того, что она не исключает рассмотрение этических вопросов из научного дискурса, позволяет расширить возможности политологического исследования и оградить его от изучения нерелевантных проблем.²¹⁴

Кратко резюмируя, следует отметить, что равноценное значение как эмпирического, так и нормативного элемента в структуре политической науки, не нуждается в объяснении. Предполагается, что единственное, что могут предпринять политические ученые относительно подобной дилеммы – принять

²¹¹ *Gerring J., Yesnowitz J. A Normative Turn in Political Science? // Polity. – 2006. – Vol. 38. – No. 1 (January). – P. 104-105.*

²¹² Там же. С. 104-105.

²¹³ Там же. С. 105-106.

²¹⁴ *Bevir M., Blakely J. Why Political Science is an Ethical Issue // Political Studies. – 2018. – Vol. 66. – No. 2. – P. 4.*

в качестве само собой разумеющегося и признать существование универсальных ценностей, значение которых не требует какого-либо специфического обоснования. В этом смысле, базовой задачей в дискуссии о фактах и ценностях должно быть не обоснование того, почему ценности должны быть исключены из научного дискурса, а высказывание гипотез о том, почему наличие моральных оценок в структуре той или иной научной теории может быть уместным наряду с дескриптивными положениями и в определении их приемлемого соотношения.

2.3 Современное состояние и перспективы развития американской политической науки

Состояние американской политологии на современном этапе ее эволюции эксплицитно отражает все те противоречия, которые были порождены процессом сциентификации. И в этом смысле представляется важным кратко резюмировать некоторые специфические характеристики американской политической науки.

Лоуренс Мид предлагает более критический анализ и описывает современную американскую политическую науку как в чем-то «схоластичную». В его интерпретации, «схоластичность» представляет собой «тенденцию к созданию узкоспециализированного, технического, знания».²¹⁵ «Схоластичная» политическая наука склонна (1) придавать излишнее значение методологической строгости; (2) фокусироваться на узкой проблематике, имеющей лишь косвенное отношение к реальной действительности. Эти отличительные особенности современной науки о политике, как утверждает Мид, «подрывают реализм исследовательской работы».²¹⁶ Таким образом, Мид выделяет четыре характерных признака, являющиеся определенными показателями такого «схоластицизма».

Мид утверждает, что чрезмерная *специализация* и погоня за точностью неизбежно ведет к сужению круга проблемных вопросов, генерации незначительных результатов и несущественных выводов.²¹⁷

Мид подчеркивает, что тенденция к «методологизму» явно отражается в том, что методология приобрела статус самостоятельной и престижной области в рамках политической науки. Мид наблюдает, что для современных политологов приоритетной является форма, а не содержание;

²¹⁵ Mead L.M. Scholasticism in Political Science // Perspectives on Politics. – 2010. – Vol. 6. – No. 2 (June). – P. 453.

²¹⁶ Там же. С. 453.

²¹⁷ Там же. С. 453.

методологическая, а не предметная сторона анализа.²¹⁸ Мид полагает, что идеал математической точности, столь привлекательный для адептов сциентизма, в изучении политики практически нереализуем. Представление об абсолютной точности не более чем иллюзия, которую следует развеять. Более того, полагает Мид, некоторые исследователи, в силу их приверженности конкретным излюбленным или признанным методологиям, склонны избегать рассмотрения более широкой, сложной проблематики, предполагающей использование множества различных типов методов.

Мид акцентирует внимание на *низкой степени «эмпиричности»* схоластического исследования. По его замечанию, «эмпирическое измерение исследования полностью исчезает»²¹⁹, поскольку преобладающие в данный момент формализованные модели политики обладают минимальной репрезентативностью или реалистичностью, а большая часть формулируемых гипотез проистекают из эмпирической теории, но не из самого наблюдения политического процесса.

Мид полагает, что *фокус на имеющейся научной литературе* выражается в том, что значительная доля современных политологических исследований характеризуется высокой степенью конформности. Политические ученые склонны апеллировать к «авторитетным», уже имеющимся в дискурсе точкам зрения. А это ведет к тому, что современным авторам зачастую сложно выработать собственное независимое мнение относительно той или иной проблемы без ориентации на прошлую аргументацию, и, следовательно, еще сложнее выдвинуть подлинно новую и оригинальную идею или подход.²²⁰

Некоторые исследователи, фокусирующиеся на анализе противоречий, рожденных в процессе сциентификации американской политической науки, не ограничились ее критикой, а попытались предложить иные модели политической науки, в том числе и альтернативные позитивистской.

²¹⁸ Там же. С. 454.

²¹⁹ Там же. С. 454.

²²⁰ Там же. С. 455.

Одним из тех, кто осмелился бросить вызов доминированию позитивистской модели в социальной науке, был датский исследователь Бент Флиивберг. Он полагает, что исследование социальных феноменов не является, никогда не было, и, вероятнее всего, никогда не сможет стать научным в эпистемологическом смысле.²²¹ Призыв Флиивберга, таким образом, заключается, в абсолютном отказе социальной, и в частности политической науки, от бессмысленных претензий на уподобление естественным наукам. Подобную позицию Флиивберг обосновывает тем, что, в виду специфики самого предмета, политическая наука едва ли способна к тому, чтобы обнаруживать и правильным образом устанавливая каузальные связи, существующие между теми или иными фактами и человеческими действиями.²²²

Флиивбергом была разработана концепция «фронетической социальной науки», основанной на современной интерпретации аристотелевской концепции фронезиса, или практического разума, то есть «способности принимать разумные решения в конкретных обстоятельствах».²²³ Основное намерение Флиивберга состояло в «попытке восстановления изначальной роли политической науки в качестве интеллектуальной и практической деятельности, направленной на прояснение проблем, рисков и возможностей, которые стоят перед людьми и перед обществом».²²⁴ Предложенная Флиивбергом концепция представляет собой попытку переосмысления традиционного представления о том, что представляет собой «социальное знание», и, в то же время, «своеобразную попытку синтеза теории и практики, философского и эмпирического направлений в дисциплине».²²⁵

Катерино и Шрэм выделяют пять базовых положений «фронетической социальной науки»: (1) принимая во внимание условность природы

²²¹ Flyvbjerg B. Making Social Science Matter: Why Social Inquiry Fails and How it Can Succeed Again // Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2001. – P.25.

²²² Making Political Science Matter. Debating Knowledge, Research and Method / Ed. by B. Caterino, S. Schram. – New York and London: New York University Press, 2006. – P. 1.

²²³ Там же. С. 1.

²²⁴ Flyvbjerg B. Making Social Science Matter: Why Social Inquiry Fails and How it Can Succeed Again // Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2001. – P. 4.

²²⁵ Making Political Science Matter. Debating Knowledge, Research and Method / Ed. by B. Caterino, S. Schram. – New York and London: New York University Press, 2006. – P. 1.

человеческих интеракций, социальное исследование должно ориентироваться, прежде всего, не на формулирование обобщенных законов, а на критическую оценку ценностей, норм, структур власти и господства; (2) социальное исследование следует рассматривать, скорее, в качестве практического, нежели теоретического, что подразумевает под собой контекстуальную зависимость конкретного исследования, основанное на способности к суждению; (3) поскольку понимание, по своей природе, обладает холистической сущностью, предопределенной историчностью и связностью повествовательных структур социального мира, его невозможно достичь аналитически; (4) в связи с тем, что пониманию присущи субъективные элементы, исследователям следует отказаться от позиции безучастного наблюдения и вступить в диалог с теми, кого они изучают; (5) интерпретацию следует рассматривать в качестве властной практики, априорно причастной миру.²²⁶

Ян Шапиро, критикуя американскую политологию, утверждает, что отделение эмпирической политической науки от нормативной теории привело к значительному упрощению политологического исследования и чрезмерной ориентации на метод. Подобная ориентация породила то, что Шапиро охарактеризовал как «бегство от реальности», выражающееся в том, что политические ученые в своем научном анализе склонны фокусироваться на тривиальных, но доступных с методологической точки зрения проблемах, тем самым удаляясь от рассмотрения реальных политических противоречий.²²⁷

Шапиро утверждает что «исследования, ориентированные на метод, зачастую приводят к эгоистической постановке проблем, неправильному использованию данных, а также ряду смежных трудностей, которые можно охарактеризовать одним старым афоризмом: если из инструментов у вас под рукой только молоток, то все вокруг начинает походить на гвоздь».²²⁸

²²⁶ Там же. С. 8-9.

²²⁷ *Шапиро И.* Бегство от реальности в гуманитарных науках. – Пер. с англ. Д. Узланера; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – С. 312-313.

²²⁸ Там же. С. 314.

Более того, Шапиро критикует не только ориентацию на метод, но и чрезмерную ориентацию на теорию. Согласно Шапиро, ориентация политического исследования на одну лишь теорию чаще всего заключает в себе не стремление к объяснению рассматриваемой проблемы, а лишь эгоистическое желание доказать исходные положения излюбленной теории.²²⁹ Более того, по утверждению Шапиро, то, что именуется ориентацией на метод, фактически представляет собой синтез ориентации на теорию и ориентации на метод. Но при этом более важен тот факт, что ни одна из них не принимает в качестве исходной единицы анализа конкретную проблему. По словам Шапиро, «ориентация на теорию вкупе с ориентацией на метод разрушает сами основы проблемно-ориентированного знания».²³⁰

Подход, который предлагает Шапиро, базируется на том, что политологическое исследование должно быть направляемо не теорией и не методом, а проблемой, которую необходимо решить. При этом определение проблемы, нуждающейся в научном анализе, не должно быть следствием изначально выбранной теории или методологии. И в этом смысле Шапиро ратует за отказ политических ученых от апологии излюбленных методологических позиций в пользу обращения к разнообразным методам, адекватным исследуемым проблемам.

Аргументируя свою позицию в пользу проблемно-ориентированного подхода, Шапиро, тем не менее, признает, что даже такое, проблемно-ориентированное исследование имеет тенденцию быть теоретически-нагруженным. Более того, Шапиро не исключает и того, что не все актуальные проблемы могут быть рассмотрены и, тем более, разрешены посредством применения уже имеющихся в наличии и многократно апробированных концепций. И в этом отношении базовой задачей политических теоретиков должен быть, с одной стороны, критический анализ существующего аналитического инструментария и оценка его применимости к анализу

²²⁹ Там же. С. 320.

²³⁰ Там же. С. 315.

определенных проблем, а с другой - способность мыслить нетривиально, генерируя новые исследовательские подходы. Шапиро полагает, что «политические теоретики просто обязаны противопоставить свой авторитет могущественным силам, соблазняющих ученых приукрашать модные теории и манипулировать методами, которые им понравились, но которые не могут ничего прибавить к прояснению мира политики».²³¹

²³¹ Там же. С. 350-351.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве приоритетной цели данного исследования была заявлена попытка критически оценить влияние процесса сциентификации на современное состояние американской политологии. В данной работе проанализированы характерные особенности процесса сциентификации американской политологии, а также и то, каким образом данный процесс, с одной стороны, обеспечил обретение американской политической наукой определенной научно-дисциплинарной легитимности, а с другой стороны, явился причиной порождения существенных концептуальных и методологических противоречий в ней.

В рамках данного исследования были выявлены некоторые базовые тенденции в эволюции американской политологии и представлена характеристика основных стадий процесса ее сциентификации. Были также рассмотрены многочисленные критические оценки, представленные в политической науке в отношении этого процесса. На основе такой критики, были проанализированы фундаментальные проблемы и специфические характеристики современного состояния американской политической науки и рассмотрены некоторые перспективные альтернативы развития этой научной дисциплины. В целом, несмотря на определенные теоретические и методологические проблемы американской политической науки, следует подчеркнуть, что американский вариант политической науки представляет собой уникальной в своем роде пример науки о политике, довольно успешно синтезировавшей в себе принципы как «hard science», то есть подлинно научной в позитивистском смысле слова, так и элементы «soft science»²³², с ее серьезной гуманистической составляющей и должным вниманием к ценностным категориям.

²³² «Soft science» (англ.) – «мягкая» наука.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Демченко В.И., Лозовой В.Н., Семеренко Л.М. Политическая наука в США: история и современность. – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2003. – 419 с.
2. Ирхин Ю.В. Миссия, особенности развития и методология политологической школы США (к 135-летию академической политической науки в США // Вопросы политологии. – 2014. – Вып. 2. - №14. – С. 16-25.
3. Ирхин Ю.В. Политическая наука в США // Полития. - 2004. - №2 (33). – С. 175-199.
4. Корюшкин А.И. Исторические и актуальные импликации движения «Perestroika» в современной американской политической науке // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. – 2016. – Сер. 6. – Вып. 4. – С. 23-35.
5. Корюшкин А.И. История современной политической науки как история поиска ее идентичности // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. – 2017. – Сер. 10. – Вып. 4. – С. 320-333.
6. Корюшкин А.И. Феномен кризиса идентичности американской политической науки в ее дискурсе и историографии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. – 2019. – Том 46. – № 4. – С. 754-766.
7. Патцельт В.Д. Переживает ли политическая наука кризис? // Политическая наука. – 2018. - №1. - С. 68–92.
8. Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. - М.: Вече, 1999. – 816 с.

9. *Шаниро И.* Бегство от реальности в гуманитарных науках. – Пер. с англ. Д. Узланера; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 368 с.
10. *Штраус Л.* Введение в политическую философию. – Пер. с англ. М. Фетисова. – М.: Логос, Праксис, 2000. – 364 с.
11. *Эрроу К. Дж.* Коллективный выбор и индивидуальные ценности. - М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 204 с.
12. *Almond G.A.* Political Theory and Political science // The American Political Science Review. – 1966. - Vol. 60. - No. 4 (December). – P. 869-879.
13. *Almond G. A.* Separate Tables: Schools and Sects in Political Science // PS: Political Science and Politics. – 1988. - Vol. 21. - No. 4. - P. 828–841.
14. *Almond G. A., Genco S.* Clouds, Clocks, and the Study of Politics // World Politics. - 1977. - Vol. 29. – No. 4. - P. 489–522.
15. *Ball T.* Political Theory and Political Science. Can This Marriage Be Saved? // Theoria: A Journal of Social and Political Theory. – 2007. - No. 113. - Political Theory and International Practice (August). – P. 1-22.
16. *Barrow C.* The Political and Intellectual Origins of New Political Science // New Political Science. – 2008. – Vol. 30. – No. 2. – P. 215-244.
17. *Bay C.* Politics and Pseudopolitics: a Critical Evaluation of Some Behavioral Literature // The American Political Science Review. - 1965. - Vol. 59. – No.1 (March). - P. 39-51.
18. *Bevir M., Blakely J.* Why Political Science is an Ethical Issue // Political Studies. – 2018. – Vol. 66. – No. 2. – P. 425-441.
19. *Bond J.R.* The Scientification of the Study of Politics. Some Observations on the Behavioral Evolution in Political Science // The Journal of Politics. – 2007. - Vol. 69. - No. 4 (November). - P. 897-907.

20. *Boryczka J.M., Disney J.L.* What is “New” About New Political Science? // *New Political Science*. – 2017. – Vol. 39. – No. 4. – P. 431-436.
21. *Bryce J.* The Relations of Political Science to History and to Practice: Presidential Address, Fifth Annual Meeting of the American Political Science Association // *American Political Science Review*. – 1909. – Vol. 3. – No. 1 (February). – P. 1-19.
22. *Crick B.* The American Science of Politics: Its Origins and Conditions // London and New York: Routledge, 1959. - 252 p.
23. *Dahl R.A.* The Behavioral Approach in Political Science: Epitaph for a Monument to a Successful Protest // *The American Political Science Review*. – 1961. – Vol. 55. – No. 4 (December). – P. 763-772.
24. Discipline and History. Political Science in the United States / Ed. by J. Farr, R. Seidelman. - Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1993. - 427 p.
25. *Dryzek J.S.* Revolutions without Enemies: Key Transformations in Political Science // *The American Political Science Review*. - 2006. - Vol. 100. – No. 4 (November). - P. 487–492.
26. *Easton D.* A Framework for Political Analysis // Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1965. - 143 p.
27. *Easton D.* Decline of Modern Political Theory // *The Journal of Politics*. – 1951. – Vol. 13. – No. 1 (February). - P. 36-58.
28. *Easton D.* The New Revolution in Political Science // *The American Political Science Review*. – 1969. - Vol. 63. - No. 4 (December). – P. 1051-1061.
29. *Easton D.* Political Science in the United States: Past and Present // *International Political Science Review*. – 1985. – Vol. 6. – No. 2. – P. 133-152.
30. *Easton D.* Shifting Images of Social Science and Values // *The Antioch Review*. – 1955. - Vol. 15. - No. 1. - P. 3-18.

31. *Farr J.* Political Science // The Cambridge History of Science: Vol. 7. The Modern Social Sciences / Ed. by T. Porter, D. Ross. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. – P. 307-328.
32. *Farr J.* The New Science of Politics // The Cambridge History of Twentieth Century Political Thought / Ed. by T. Ball, R. Bellamy. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. – P. 431-445.
33. *Flyvbjerg B.* Making Social Science Matter: Why Social Inquiry Fails and How it Can Succeed Again // Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2001. – 204 p.
34. *Gerring J., Yesnowitz J.* A Normative Turn in Political Science? // Polity. – 2006. – Vol. 38. – No. 1 (January). – P. 101-133.
35. *Gunnell J.* Handbooks and History: Is It Still the American Science of Politics? // International Political Science Review. – 2002. – Vol. 23. – No. 4. – P. 339-354.
36. *Gunnell J.* The Real Revolution in Political Science // PS: Political Science and Politics. – 2004. - Vol. 37. - No. 1. (January). - P. 47-50.
37. *Hansen J. M., Heaney M.T.* Building the Chicago School // The American Political Science Review. – 2006. – Vol. 100. – No. 4 (November). – P. 589-596.
38. *Kazsa G.* Perestroika: For an Ecumenical Science of Politics // Ps: Political Science and Politics. - 2001. - Vol. 34. – No. 3. - P. 597–600.
39. *Lane M.* Positivism: Reactions and Developments // The Cambridge History of Twentieth Century Political Thought / Ed. by T. Ball, R. Bellamy. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. – P. 321-342.
40. *Lowell A.L.* The Physiology of Politics // The American Political Science Review. – 1910. – Vol. 4. – No. 1 (February). – P. 1-15.
41. *Lowi T.J.* The Politization of Political Science // American Politics Quarterly. – 1973. – Vol. 1. – No. 1 (January). – P. 43-71.

42. *Lowi T.J.* Politics in Motion: A Personal History of Political Science // New Political Science. – 2011. – Vol. 33. – No. 1. – P. 59-78.
43. Making Political Science Matter. Debating Knowledge, Research and Method / Ed. by B. Caterino, S. Schram. – New York and London: New York University Press, 2006. – 304 p.
44. *Mead L.M.* Reforming Political Science // Poverty and Public Policy. – 2018. – Vol. 10. – No. 2. – P. 253-264.
45. *Mead L.M.* Scholasticism in Political Science // Perspectives on Politics. – 2010. – Vol. 6. – No. 2 (June). – P. 453-464.
46. *Merriam C.E.* Progress in Political Research // American Political Science Review. – 1926. – Vol. 20. – No. 1. – P. 1-13.
47. *Merriam C.E.* The Present State of the Study of Politics // The American Political Science Review. – 1921. – Vol. 15. – No. 2 (May). – P. 173-185.
48. *Monroe K.R.* Paradigm Shift: from Rational Choice to Perspective // International Political Science Review. – 2001. – Vol. 22. – No. 2. – P. 151-172.
49. *Munro W.B.* Physics and Politics – an Old Analogy Revised // The American Political Science Review. – 1928. – Vol. 22. – No. 1 (February). – P. 1-11.
50. *Oren I.* Can Political Science Emulate the Natural Sciences? The Problem of Self-Disconfirming Analysis // Polity. – 2006. – Vol. 38. – No. 1 (January). – P. 72-100.
51. *Putnam R.D.* APSA Presidential Address. The Public Role of Political Science // Perspectives on Politics. – 2003. – Vol. 1. – No. 2 (June). – P. 249-255.
52. *Skidmore M.* Advancing Toward Science: Retreating from Responsibility // Poverty and Public Policy. – 2018. – Vol. 10. – No. 2. – P. 265-283.
53. *Smith M.* The Domain of Political Science // The Political Science Quarterly. – 1886. – Vol. 1. – No. 1. – P. 1-8.

54. *Smith R.* Should We Make Political Science More of a Science or More about Politics // *PS: Political Science and Politics*. – 2002. - Vol. 35. - No. 2. (June). - P. 199-201.
55. *The Development of Political science. A Comparative Survey* / Ed. by D. Easton, J. Gunnell, L. Graziano. – London and New York: Routledge, 1990. – 296 p.
56. *Voegelin E.* *The New Science of Politics: An Introduction* // Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 193 p.
57. *Weingart P.* Scientific Expertise and Political Accountability: Paradoxes of Science in Politics // *Science and Public Policy*. – 1999. – Vol. 26. – No. 3 (June). – P. 151–161.
58. *Wolin S.S.* Political Theory as a Vocation // *The American Political Science Review*. – 1969. – Vol. 63. – No. 4. – P. 1062-1082.